ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ ПРО ЮЛЮ ПЕРВУЮ

Константин Боровков

Моим детям

1. Серый Туман

Когда Юля подошла в то холодное и сырое осеннее утро к школе, то сразу и не поняла, что же случилось. Дома по дороге в школу стояли как всегда. Улица до поворота тоже выглядела как всегда. Кошка, которая перешла Юле дорогу после поворота, тоже выглядела как всегда. Ничего особенного не было и на деревьях, стоящих вдоль тротуара после поворота. Юля прошла деревья, за которыми прятался школьный двор, и подошла к автобусной остановке. Но тут что-то заставило ее внезапно остановиться. Она посмотрела налево — и замерла с открытым ртом. Школы на месте не было. Школьный двор, правда, был. Но детей на нем не было, хотя обычно в это время двор был полон играющими и галдящими девчонками и мальчишками. Но самое удивительное, что вместо здания школы на земле теперь лежало плотное Розовое Облако. Облако слегка колыхалось и, казалось, дышало. Бока его шевелились, и то тут, то там на них появлялись большие плавные волны. Они то пропадали сами собою, то потихоньку начинали двигаться в разные стороны. Дорожка, которая вела от ворот школьного двора ко входу в школу, теперь просто уходила под странное облако.

Юля потрясла головой — но облако не пропадало. Зато она перестала думать о том, что ей подарят на следующий День рождения, который будет почти через год — когда ей исполнится восемь лет. А ведь она думала об этом всю дорогу, как только за ней закрылась дверь дома. И вдруг Юля заметила, что нет не только детей во дворе школы. Вообще никаких людей вокруг не было ни видно, ни слышно!

Конечно, она должна была бы тут же повернуться и побежать домой. Но Розовое Облако как-то притягивало ее к себе — и оно-то уж совсем не казалось страшным. Наоборот, оно выглядело мягко-добрым и напоминало не то огромную надувную подушку, не то сладкий пудинг. Юля даже отчетливо почувствовала, что от Розового Облака пахнет чем-то очень знакомым и вкусным. И она никуда не побежала. Она просто стояла и смотрела широко раскрытыми глазами на удивительное Розовое Облако. А когда опомнилась и снова огляделась вокруг, то не увидела уже не только людей, но и знакомой улицы. Юля стояла одна на теперь уже совсем небольшом кусочке тротуара, перед ней был школьный двор и — Розовое Облако. Со всех остальных сторон подступал Серый Туман, сырой и холодный. И тут Юля заметила, что и свет стал постепенно сереть и меркнуть. Домой бежать было уже просто поздно: туман был таким густым, что дорогу в нем найти было бы невозможно. Да и при одной мысли о том, что ей придется войти в Серый Туман, Юле становилось как-то зябко. И она приготовилась расплакаться.

2. Розовый Шарик

Юля стояла совсем одна на сыреющем пятачке у школьных ворот. Глаза ее начали наполняться слезами. Как же хотелось ей сейчас домой, где тепло и светло (если включить свет, конечно). Там можно подбежать к маме — а она, должно быть, не ушла еще по своим взрослым делам, — и

та погладит по головке и успокоит! Жалко, кошки дома у них нет — а то можно было бы самой погладить теплую мягкую спинку и тоже успокоиться. Но все это осталось теперь так далеко, за стеной Серого Тумана. Что делать?

Но тут прямо перед ее носом, не дальше вытянутой руки, начал прямо на глазах расти из ничего Розовый Шарик — такого же цвета, что и Розовое Облако, только с виду погуще. Он раздулся до размеров мяча, каким мальчишки гоняли в футбол, задрожал — и со звуками «чпок-чпок-чпок» из него выскочили друг за другом четыре ноги, все снизу и все в розовых ботиночках с бантиками, и одна голова — сверху, с большими оттопыренными ушами, и это удивительное существо мягко шлепнулось на землю на все свои четыре ноги. Чуть покачиваясь, оно потянулось — и задрало голову, чтобы посмотреть вверх, на Юлю. И тут она увидела, что глаз у него нет! Глаза, нос, рот, щеки — все это появлялось у него, пока Юля приходила в себя, как будто какие-то искусные невидимые руки лепили их из мягкого розового пластилина. Потом на его круглом тельце точно так же появились рубашка и штанишки с четыремя штанинами, и вдруг глаза его, проступившие на лице закрытыми, внезапно открылись! Это были такие ясные голубые глаза, как будто они собрали в себя всю голубизну чистого весеннего неба. И Юлин страх сразу куда-то отступил. Она представила себе, как выглядел бы Розовый Шарик, если бы он сейчас вместо одежды покрылся шерстью, и улыбнулась. А тот, оглядев Юлю, а потом себя, грустно вздохнул и сказал:

— Ну вот, опять не так. В прошлый раз было четыре руки и ни одной ноги. Когда же у меня все нормально будет? — Но он тут же встрепенулся и заторпился: — Пойдем скорее отсюда! Давай руку ... — и он протянул было ей ногу, но, увидев перед собой штанину и ботинок, тут же убрал ее и добавил: — Не привык еще. Беги за мной!

И Розовый Шарик, резко крутанувшись на месте, устремился с глухим топотом прямо к Розовому Облаку. Отступивший было страх тут же подтолкнул Юлю под спину, и она, не задумываясь и закрыв почему-то глаза, бросилась за ним, придерживая подпрыгивающий на бегу ранец.

Она бежала довольно долго и начала уже задыхаться, но ничего как будто не происходило. Наконец, Юля открыла глаза и увидела, что Розовое Облако не только не приблизилось, но как бы даже и отдалилось. Все вокруг стало еще серее, и самого школьного двора уже не было видно. Серый Туман наполз на него и стелился прямо по земле, закрывая уже и Юлины ноги.

У самого Розового Облака стоял на двух ногах Розовый Шарик и смотрел на Юлю. Одну свою ногу он уже запустил в Розовое Облако и стал как бы его частью. Другой ногой Розовый Шарик тянулся к Юле. По его лицу было видно, как сильно он напрягается. И вдруг его вытянутая нога стала быстро удлиняться! За какую-то секунду она достигла Юли, обхватила ее, приподняла над землей и, как растянутая резина, начала стремительно сокращаться. У Юли перехватило дыхание — и она с размаху влетела в мягкое и теплое Розовое Облако.

3. В Розовом Облаке

Юля влетела туда, зажмуршись — как если бы прыгала в воду. Плюх — и она была внутри. Она плавно опустилась на ноги и только тогда открыла глаза.

Ого! Вокруг было лето! Так тепло, ясно и зелено, и самое удивительное — ничего розового! А перед ней стоял, нет, уже сидел, обвив свои ноги пышным хвостом, большой красивый Белый Кот и смотрел на нее уже знакомыми голубыми глазами.

Он улыбнулся — совсем не по-кошачьи — и сказал:

— Выйди из воды! Она холодная, ведь это настоящий горный ручей.

И тут Юля увидела, что она и в самом деле стоит почти по колено в журчащем чистом-чистом ручье. Она сразу же засуетилась и поскорее выкарабкалась по гладкой гальке на берег, где ее ждал Кот.

— Постойте, а я? — раздался вдруг сзади ни на что не похожий голос. Юля оглянулась — и не поверила своим глазам: это говорил ее школьный ранец, сидевший на другом берегу ручья и державший — вот дурная привычка! — палец во рту.

— Посиди, — строго сказал Кот, — почитай пока свои учебники. А то ты их всегда закрытыми носишь.

— Может, мне еще сочинение написать? — грубо ответил ранец. Но Кот внимательно посмотрел на него, и тот тут же закрылся на оба замка и послушно зашелестел внутри страницами.

Юля тоже промолчала, пожала плечами и подумала только, что у котов-то зрачки всегда щелками, а у этого — круглые и совсем не кошачьи. И она почему-то спросила вслух:

— Интересно, а бывают квадратные зрачки?

— Бывают глаза квадратные! — буркнул в последний раз ранец и снова уткнулся в свои учебники. А Кот уже шел от ручья к видневшемуся в стороне домику, неслышно ступая по песчаной дорожке и подняв трубой хвост. И Юля пошла за ним.

Вода хлюпала в ее ботиночках, но это было вовсе не холодно и не страшно — ведь тут стояло лето! Домик был уже хорошо виден. Он стоял на пригорке и был такой чистенький и беленький, под красной черепичной крышей. У дверей его сидела мохнатая свинюшка и задумчиво перебирала струны на большой золоченой арфе.

— Да, — сказал вдруг Кот, остановившись. — На кого я сейчас похож?

— На белого кота, стоящего на тропинке, — машинально ответила Юля.

— Гм. Я думал, что на кролика. А мяукать-то я не умею, — и, сокрушенно покачав головой, Кот двинулся дальше и, уже не останавливаясь и не поворачиваясь, сказал, показывая хвостом на домик:

— Вот здесь мы позавтракаем.

— Ты будешь там ловить мышей? — заинтересованно спросила Юля.

— А зачем их ловить? — удивился Кот. — Они нас и так уже ждут и все, наверное, приготовили.

И действительно, когда они подошли к домику, дверь его распахнулась, и на пороге они увидели целую дюжину серых мышек в белых передничках и шапочках. Мышки приветственно махали им хвостиками, на которых были повязаны белые ленточки.

— Здравствуйте, дорогая госпожа Юлия! — закричали они тоненькими голосками. — Заходите, заходите, все готово! — И они расступились, давая пришедшим дорогу.

— А откуда вы меня знаете? — удивилась Юля, нагибаясь (дверь в домике была все-таки очень маленькая) и послушно заходя внутрь. А войдя туда и оглядевшись, она замерла с открытым ртом.

4. Домик мышей

И было чему удивиться: на стене висел ее большущий портрет в золоченой раме — в полный рост, в старинного фасона платье с длинным шлейфом, с большими ножницами в руках и — в короне!

Кот наклонил голову, прищурил глаза и сказал:

— А эти... Эти всех... и все наперед знают. — И после паузы добавил: — Садись-ка сюда, это кресло для тебя.

Пока Юля усаживалась в маленькое даже для нее креслице с высокой спинкой и изогнутыми короткими ножками, мыши шустро — хлоп, хлоп, хлоп — перекинули доску с печки на стол и притащили по ней две тарелки с овсяной кашей

— для нее и для Кота. Юля скривила было рот, как она это делала дома при виде каши, но тут же подумала, что она в гостях, вздохнула и взялась за ложку.

Но сразу поесть им не удалось. На стол по перекинутой доске вбежали две мыши и запищали:

— Вначале концерт, концерт! Мы покажем вам сценку!

Одна из них вышла вперед, поклонилась и, прокашлявшись, объявила:

— Сценка с воздушным шариком!

Другая мышь подбежала к ней, легла на спину, задрав все четыре лапки кверху, запыхтела — и стала на глазах раздуваться. Первая мышь в это время схватила ее за хвост и крепко держала его в своих передних лапках. Когда вторая мышь надулась до размеров хорошего арбуза, она вдруг поднялась в воздух — и зависла с натянутым хвостом над первой. Юля совсем не удивилась, но подумала про себя, что все воздушные шарики, что она видела до сих пор, были прозрачные, и что было бы, если бы и раздувшаяся мышка стала прозрачной. Но тут та сказала: «Отпуя...» — наверное, это было «Отпускай!», но вырвавшийся из нее воздух не дал ей договорить. Первая мышь сейчас же отпустила ее хвост, и та заметалась по всей комнате, ударяясь о стены (ну прямо как настоящий надутый шарик, если его не завязывать — а просто опустить), и, наконец, опустилась с шипением на пол.

— А теперь я расскажу анекдот, — продолжала первая мышка. — Встречаются слон и мышка, и слон спрашивает: «Ты почему такая маленькая?» А мышка отвечает: «Я в детстве много болела!» — и она покатилась, хихикая, по столу и упала бы вниз, если бы Кот не закатил ее лапой на пустую тарелку. Там она быстро успокоилась, заснула и захрапела.

Концерт окончился. Юля взялась за ложку и снова вздохнула. Теперь ей вспомнился бутерброд с сыром, который мама положила ей в коробке в ранец на завтрак в школу. Но не успела она и подумать о нем, как Кот, оторвавшись от своей порции каши, сказал:

— Уж раз он книги тут листать может, так уж коробку-то откроет.

Юля вздрогнула: Кот прочитал ее мысли! Она представила себе сейчас же свой ранец, жующий ее бутерброд — и невольно поежилась.

А каша оказалась очень вкусной! И не то чтобы она была сладкой — нет, в ней, наверное, вовсе не было сахара. Но вкус ее напоминал сразу и вкус свежего хлеба, и запах летней травы, и было еще в нем что-то такое теплое и домашнее, что Юля и не заметила, как ее тарелка опустела.

Кот тоже уже вылизал начисто свою тарелку, вытер усы салфеткой и сказал:

— Вот мы и подкрепились, теперь можно и делом заняться. Сейчас нас отведут к Главному Мышиному Волшебнику.

— А это еще зачем? — удивилась Юля.

— Во-первых, он тебя ждет, — ответил Кот. — А во-вторых, разве тебе самой не интересно?

— Интересно, — согласилась Юля.

5. Великий Мышиный Волшебник

В эту минуту дверь в домик распахнулась. На пороге появилась тяжело дышащая мышь в больших сапогах и шляпе с воробьиным пером. Она учтиво поклонилась, сняв шляпу и пошаркав ножкой, и быстро заговорила неожиданно низким голосом:

О, дорогая наша Юля!
Ужель Вас вижу, а не сплю я!
Сюда летел я словно пуля!
Мой господин Вас ждет с июля!

Кот поморщился и сказал Юле вполголоса:

— Зато он здесь самый быстрый скороход.

Самый Быстрый Скороход еще раз поклонился и протянул Юле и Коту два зеленых дубовых листочка:

— Вот Ваши пригласительные билеты! — сказал он, отступил немного назад и густо пробасил: — Пр-р-рашу в экипаж!

Оба пригласительных билета (у Кота-то карманов не было!) Юля сунула в карман своей курточки. Она не знала еще, что это такое — «экипаж» , но послушно вышла вслед за Котом из домика. Снаружи на дорожке стояла маленькая желтая тележка с высокими бортиками. На них было написано: «Осторожно — занос 1 метр». Маленькие оглобельки желтой тележки лежали на земле.

«Интересно, что за крохотную лошадку запрягают в эту тележку?» — подумала Юля, усаживаясь на заднее сиденье. Кот тут же примостился на переднем. И не успела она додумать свою мысль до конца, как Самый Быстрый Скороход подскочил к тележке, схватился за оглобли, зычно крикнул: «Держ-жись! Пр-рокачу!» — и рванул с места! Кот упал на дно, в ноги Юли, а она судорожно ухватилась за бортики. Но тут тележка, проехав шагов пять, так же внезапно остановилась — прямо у большущей норы с табличкой на столбике. На табличке было написано: «Не влезай — убьет!»

Самый Быстрый Скороход вытер пот со лба и прохрипел: «Пожалуйте внутрь, Вас ждут». Сев прямо на тележку, он стащил с себя сапоги и стал вытряхивать из них песок. Кот был уже на земле и, ворча, потирал ушибленный бок. Юля тоже слезла с тележки и боязливо подошла к норе, косясь на табличку со страшной надписью. Она и раньше видела такие таблички — на столбах с электрическими проводами, и всегда удивлялась, кому же это вздумается лезть на эти просмоленные столбы и кто же будет тогда его убивать. Ей-то самой никогда не хотелось туда лезть, даже если бы и не было этой таблички. Но сейчас, судя по всему, им надо было лезть именно в эту нору, у которой была именно эта табличка!

Кот уже перестал ворчать и стоял рядом с ней у зияющего черного отверстия.

— Ну пошли, однако, — сказал он както нерешительно и двинулся внутрь норы.

— А... это? — и Юля показала на грозную надпись.

— Так мы же не влезаем, а заходим, — не очень уверенно ответил Кот. Юля кивнула головой, глубоко вздохнула и шагнула вслед за ним на маленькие ступеньки, ведущие вглубь норы.

Ступеньки были немного скользкие, покрытые тонким слоем мха. Шагов было совсем не слышно. В норе было сухо и не то чтобы светло, но — видно, куда можно ступить. Юля пригляделась и увидела, что свет исходит от множества светлячков, сидящих на стенах. Это было так красиво и похоже на заполненное звездами небо. Но вот ступеньки кончились, нора повернула налево, потом направо — и Юля увидела впереди неровный красноватый свет огня. Это был небольшой костер, горящий прямо на полу внутри выложенного белыми камнями круга посредине небольшой залы, куда привела их нора. В висящем над огнем котелке что-то тихо булькало.

Вдруг лежащий в глубине залы большой камень с глухим шумом откатился в сторону. Из дыры под ним раздался чих, а вслед за чихом появилась длинная фигура в ватном халате с косынкой на голове. Фигура повернулась — и Юля увидела, что эта была огромная мышь с висящим длинным носом и красными слезящимися глазами. На груди ее виднелась из-под грязного халата перекинутая через плечо широкая лента с надписью «Великий». Мышь посмотрела на Кота, на Юлю — и улыбнулась.

— Здогово, гебята! — прошмакала она своим беззубым ртом, проглатывая букву «р». — Зачем пгишли?

Это и был Великий Мышиный Волшебник.

6. Прорицание

— Здравствуйте! — храбро выпалила Юля. — Вы нас пригласили!

— Я?! — у Великого Волшебника от удивления даже встали дыбом усы на носу, а облезлый хвост изогнулся вопросительным знаком. — А где же тогда ваши пгигласительные билеты?

— А вот, — и Юля с готовностью полезла в карман своей курточки. О ужас! Там ничего не было! Она судорожно обшарила все-все свои карманы — но нашла там только пару камушков, что остались после вчерашней прогулки на озеро.

— Нету... — разочаровано сказала она и повернулась к Коту. Тот молча сидел на полу и, наклонив голову, внимательно смотрел на большущую мышь перед ними.

— Ах, не-е-е-ету! — довольно протянул Великий Волшебник и вытащил из кармана своих мятых штанов обгрызенную палочку размером с простой карандаш. — Ну, тогда дегжитесь. Я вас сейчас заколдую. То есть нет, — и он почесал себя палочкой за ухом, — не заколдую, я же волшебник, а не колдун. Как это? Зачагую? Нет, я же не чагодей какой-нибудь... Да, когоче: пгевгащу в лягушек, идет?

Юля по-настоящему испугалась. Она никак не хотела превращаться в лягушку. Ей тут же вспомнилась сказка, сочиненная ее старшей сестрой Ланой. Там всамделишная принцесса поцеловала всамделишного, но превращенного злой колдуньей в лягушку принца — и сама превратилась в принцессу-лягушку и вышла за принца замуж. Сказка кончалась так: «И они жили долго и счастливо, до самой осени, когда их обоих проглотила одна и та же цапля». Но одно дело — посмеятся над сказкой, а другое — самой стать лягушкой. И потом, здесь не было никакого принца, хотя бы и лягушачьего. А цапля, скорее всего, была.

— Не хочу в лягушку, — сказала она и собралась заплакать.

— Уж больно ты грозен, как я погляжу, — вдруг тихо-тихо сказал Кот. — Успокойся и вспомни, зачем нас пригласил.

Великий Волшебник вздрогнул от этих слов и с размаху сел прямо на пол пещеры.

— Ах да, сейчас, сейчас... Съесть вас на обед? — и он с надеждой посмотрел на Кота.

— Холодно, — ответил тот.

— Чтобы вы меня съели на обед?

— Холодно.

— Э-э-э... Ну, тогда не знаю, — и Великий Волшебник совсем сник и печально повесил свой длинный нос.

Кот встал, вытянул перед собой правую переднюю лапу, повернул ее тыльной стороной вниз и осторожно подул на нее. На подушечке лапы сейчас же появился маленький розовый шарик. Кот еще раз подул на него, а потом ловким броском отправил этот шарик в костер. Огонь вспыхнул ярким розовым цветом, и в пещере сразу же стало светло. Великий Волшебник снова вскочил, хлопнул себя лапой по лбу, сделал кувырок вперед, потом назад и радостно закричал:

— Вспомнил! Я собигался сделать пгогицание будущего! Или погицание будущего? — он опять было задумался, но тут же спохватился и продолжил: — Садитесь, садитесь поскогее!!

Юля почувствовала, как что-то подтолкнуло ее под колени и оглянулась. За ней стояло появившееся откуда ни возьмись белое кресло с вышитыми разноцветными мышами сиденьем и спинкой. Мыши были как живые (хоть и разноцветные), и Юля садилась в кресло с опаской — как бы не раздавить их. Но это была только искусная вышивка, и сидеть в кресле было очень удобно. Кот тоже уже сидел на белой подушечке.

Великий Волшебник схватил кипевший над огнем котелок и, шумно свербя, отпил из него. Прополоскав рот и — «погыгыкав» — горло, он погладил себе живот лапой и икнул. Хвост его вдруг изогннулся буквой «г», уши захлопали по порозовевшим щекам, а усы даже засветились белым огнем. «Угу-угу-угу» — както довольно залопотал он и забегал кругами вокруг очага. Воздух в пещере стал густеть, дышать стало труднее, и Юлю потянуло ко сну. А огонь пылал все ярче, в нем появлялись и исчезали чьи-то веселые лохматые красные рожицы. Внезапно Великий Волшебник остановился, вздохнул: «Ох, как я все-таки велик...» и резко поднял руки вверх. На кончиках его пальцев вспыхнули красные огоньки.

— Бубу-буу, бубу-буу! — закричал он, пританцовывая на месте и разметая позади себя хвостом песок на полу пещеры. И вдруг — замер. Прикрыв глаза, Великий Волшебник начал свое прорицание.

— Когда ночь сменит день, а день сменит ночь, когда лягушка пегепгыгнет чегез собственный хвост... — заговорил он ровным скрипучим голосом. Но Юля на этих словах перестала бороться со сном — и заснула.

Когда, клюнув носом, она вдруг проснулась, прорицание уже заканчивалось:

— ... и только тогда ты сможешь вегнутся домой! Ух, все! — и Великий Волшебник, съежившись прямо на глазах в маленькую мышь, исчез в той же дыре, из которой появился. Камень тут же повернулся на место и закрыл ее наглухо.

— Ну, все запомнила? — спросил Юлю Кот, потягиваясь и вставая с подушки.

— Все, — почему-то соврала Юля. Ей было просто стыдно признаться, что она заснула во время такого важного события.

— Вот и славно! — обрадовался Кот. — А я-то взял, да и все проспал! Пойдем теперь назад.

И они пошли по ступенькам вверх по норе.

7. В поисках ужина

Когда Юля и Кот выбрались наконец наружу, солнце было уже низко. Стоящий невдалеке лес насупился и потемнел, легкий ветер доносил до них его запахи — запахи свежей листвы, грибов, больших муравейников. Кот глубоко вздохнул, чихнул и сказал:

— Самое время идти ужинать!

— Как? — удивилась Юля. — Ведь мы только что пообедали!

— Время под землей летит быстро, — назидательно ответил Кот. Он помолчал и добавил: — Особенно когда слушаешь прорицания Великого Волшебника.

Юле ничего другого не оставалось, как молча согласиться с этим. Она только поинтересовалась:

— А где мы будем ужинать?

— Не знаю, — пожал плечами Кот. — Надо подумать. А что, в прорицании об этом ничего не говорилось?

— Не-а, — смутилась Юля и уселась на траве рядом с уже задумавшимся Котом.

Минут через пять Кот сказал:

— Плохо думается на пустой желудок. Вернее, думается хорошо, но только о том, как бы покушать.

— А может, опять к мышам сходить? — робко спросила Юля.

— Хорошая мысль! — обрадовался Кот. — Как же я раньше не догадался?! Пошли!

И они пошли назад, к домику мышей, по той же песчаной дорожке, по которой их так быстро довез сюда Самый Быстрый Скороход. Домик мышей был так близко — шагах в десяти, но они все шли и шли — а он так и не приближался. Только дорожка под их ногами уходила и уходила назад, а все остальное оставалось на месте.

— Это что, дорога с односторонним движением? — спросила наконец Юля. Она как-то слышала эти слова, но не знала точно, что же они значат. Кот сперва ничего не ответил. Но после того как

Юля повторила свой вопрос, он вздрогнул, как бы очнулся, сел и сказал:

— Конечно. Ведь это дорога времени. Видишь, она песчаная? Вот когда про время говорят, что оно как песок сквозь пальцы утекает, так вот это тот самый песок и есть!

— Но где же тогда те самые пальцы? — удивилась Юля.

— А вот пальцы у каждого — свои! — отрезал Кот и встал. — Но ты права. Мы по этой дорожке до домика никогда не дойдем.

— А если по травке пойти? — спросила Юля, с тревогой посмотрев на садящееся солнце.

— По травке — можно! — ответил ее спутник повеселевшим голосом. Они сошли с дорожки и уже через несколько шагов стояли у двери домика.

Но дверь оказалась закрыта. На ней была прибита гвоздем записка. На грязном листочке в клеточку было коряво написано:

«Все съедено и никаго нету. Все уши в концерт.»

— А вот и ошибка! — злорадно сказада Юля. — Уши не «в концерт», а «в концерте!»

Кот молча поднял с земли валявшийся тут же огрызок карандаша и исправил «уши» на «ушли».

— А мы? — жалобно спросила Юля. — Куда мы теперь?

— Так, — сказал Кот. — Спать будем в лесу, на дереве, а на ужин поедим листьев одуванчика! — Он помолчал и добавил: — Я читал когда-то в одной книжке, что так тоже можно ночевать.

«Не зря он думал, что похож на кролика», — подумала про себя Юля, но промолчала и пошла за Котом к темневшему вдали лесу. Деваться было некуда.

8. Дядя Пихто

Лес вблизи показался Юле совсем темным и страшным. Начинало смеркаться.

— Вот мы и в лесу, — сказал Кот, когда они, наконец, вошли по едва заметной тропинке под густые ветви первых деревьев.

— А как же мы тут одуванчики найдем? — грустно спросила Юля. Она пыталась разглядеть, что там растет по краям тропинки.

— А что, разве у тебя фонарика нет? — удивился Кот.

— Нет... То есть, он есть, но он дома, — добавила Юля.

— Ну кто же уходит из дома без фонарика, когда так темно и надо на ужин искать одуванчики? — возмутился Кот.

— Но я же уходила утром, когда было светло! И не собиралась я искать на ужин одуванчики! — возмутилась теперь и Юля.

— Вот видишь! Значит, ты плохо подготовилась. И нам придется спать без ужина, — сказал в ответ Кот. Он оглянулся вокруг и озадаченно добавил: — Вот тебе и на... А где же нам тут дерево найти?

Юля тоже посмотрела вокруг и удивленно спросила:

— А что, ты разве не видишь ни одного дерева?

— Нет. Я вижу только лес. А за лесом, как известно, деревьев не видно! Придется теперь спать на траве.

— Но ведь уже так темно, что и траву не видно!

Кот опять огляделся и сказал:

— И впрямь — не видно. Как же мы на нее ляжем? Будем спать стоя.

Они простояли минут пять молча, и Юля честно пыталась заснуть. Но стоять было так неудобно, и она сказала Коту:

— Тебе хорошо, ты на четырех лапах стоишь, а я только на двух.

— А ты видишь, что я на четырех стою? — спросил ее Кот.

— Нет, — ответила она приглядевшись.

— И я не вижу. Вообще-то мне тоже неудобно. Может быть, я вообще на одной лапе стою? И потом, кто тебе мешает на четыре лапы встать?

— Никто мне не мешает. Но я все равно так не засну! — и Юля обиженно замолчала.

Через пять минут она спросила:

— Послушай, а как тебя зовут?

— Обычно громко. Я все время занят своими мыслями и могу не услышать, — ответил Кот.

— Нет, ты не понял. Какое у тебя имя? — переспросила его Юля.

— Имя? Мое имя? Гм, — задумчиво ответил Кот. — Вот это как раз одна из моих мыслей, которыми я все время занят.

— Как? У тебя нет имени? — удивилась Юля.

— А откуда же оно у меня возьмется? — удивился теперь Кот. — Ведь вот вчера у меня было вначале четыре ноги в розовых штанишках, потом я думал, что стал кроликом, а ты сказала — похож на Кота. И так все время!

И Кот огорченно вздохнул. Помолчав, он добавил:

— На той неделе у меня пару дней и ушей-то не было. Как же меня было тогда звать? Когда ты все время так меняешься, разве у тебя может быть имя? — и Кот опять тяжело вздохнул.

— Придумала! — радостно вскричала Юля, — Мы устроим тебе завтра именины! И назовем тебя... Снежок! — выдохнула она.

Раздалось тихое «ох» и вслед за ним — глухой стук. Юля тоже охнула, но тут же услышала голос Кота:

— Не бойся, это я от неожиданности. — Кот пошуршал чем-то в темноте и добавил: — Вот интересно! Травы не видел — а лег прямо на нее, и ничего!

Юля немного обескураженно помолчала и спросила:

— А как насчет именин?

— А насчет именин — утро вечера мудренее! — сладко зевнул в ответ Кот и добавил: — Спокойной ночи!

— А я? Как я буду спать? — забеспокоилась было Юля. Но Кот уже храпел в темноте и не ответил.

Юля стояла закрыв глаза, и думала о том, что с ней сегодня произошло. Ей так хотелось теперь домой, где на кухне светится теплым светом красный абажур, где мама кормит, наверное, сейчас ужином папу и сестренку (и может быть они уже пьют чай), где ее ждет теплая пижамка и одеяло на кровати... Где все это теперь? И что это за серый туман был там утром? Он ведь был такой страшный, и она еще убежала от него в Розовое Облако. Смогли ли от него убежать или спрятаться ее родные? Что с ними? Юле стало страшно — не от темного леса, а от той пугающей неизвестности, которая осталась там, снаружи... Снаружи чего? И Юля тихонько спросила:

— Послушай, а где мы все-таки?

Кот не ответил. Он по-прежнему тихо и ровно храпел. Тогда Юля спросила погромче:

— А что это за серый туман был утром? Снежок!

Храп резко оборвался. Кот зашуршал в темноте и сказал:

— Без именин я на это имя не отзываюсь! А об именинах мы не договаривались. И потом, я что — кот, что ли?

— А кто же ты? — растерянно спросила Юля.

— Кто-кто, дед Пихто! — сердито, но уже тише ответил Кот.

— Вот давай я и буду тебя дедом Пихто звать! — обрадовалась простому решению Юля. — Сам же сказал!

— Да. Ладно, так и быть, — согласился, подумав, Кот. — Только я ведь еще не такой старый. Зови меня лучше — дядя Пихто.

И они снова замолчали. Юля решила пока больше не спрашивать своего спутника обо всем случившемся, а сделать это утром. «Все равно от него ничего сейчас не добьешься», — подумала она, закрыла глаза и снова попыталась заснуть. Ноги у нее так устали за день, а спина уже даже начала болеть, и ей было так неудобно стоять, что нечего было и думать заснуть

в таком положении. И тогда Юля зажмурила на всякий случай покрепче глаза и рухнула наугад куда-то вниз и прямо на лету заснула.

9. Лягушка

Проснулась Юля от удара о землю. Густая трава смягчила падение, и было совсем не больно. Юля на всякий случай недовольно поморщилась, потерла слегка ушибленные колени — и тут же снова зажмурила глаза. Солнце стояло уже высоко, пронзая сияющими лучами утреннесвежую листву деревьев. Все кругом было такое яркое и чистое. Кот сидел рядом и задумчиво жевал какую-то траву.

— Нет, это точно не одуванчик, — сказал он, выплевывая ее изо рта. — Я читал, что листья одуванчика можно есть, а это есть нельзя!

— Но... а если это ядовитое? Ты что, все подряд так пробуешь? — поразилась Юля.

— Во-первых, здесь ядовитого ничего нет, — ответил ей, зевая, Кот, — а во-вторых, если даже я и съем что-нибудь не то — так раз, и превращусь тут же в воздушный шарик или кактус, и все пройдет.

— Так ты так от любой болезни лечится можешь! — удивленно догадалась Юля. — Вот здорово! Если гриппом заболеешь, будет у тебя температура — превратишься в кастрюлю с водой, вода вскипит, остынет — и все, здоров!

— А что, это мысль, — все так же задумчиво ответил Кот, — я так еще не пробовал. Ну, пойдем, — вздохнул он и встал.

— Нет, подожди, — заторопилась сразу Юля. Она так и не поняла, спала она или нет, а если нет, то когда это так быстро успело взойти солнце. — Ты мне еще с вечера не ответил: где мы?

— Мы в лесу, — пожал плечами Кот. — Ты разве сама не видишь?

— Нет, а вообще: где мы? Ведь мы в Розовом Облаке?

Кот снова сел, посмотрел внимательно на Юлю и спросил:

— Ты хочешь это непременно знать?

— Да, конечно! И это, и кто ты на самом деле! И что сейчас у нас дома, я тоже хочу знать!

— Ну, вот этого я не знаю! Да и где мы — это тоже не так просто объяснить. Ну, можно сказать, что мы у тебя внутри.

— Как — внутри? — и Юля тут же осмотрелась и потрогала себя руками. — Я-то кажется еще снаружи себя...

— Так-то оно так, да не так, — улыбнулся Кот. Он показал передней лапой на одну из осинок и спросил: — Видишь, синица на дереве сидит?

— Но ведь это — ворона! — ахнула Юля.

— Все равно. Ага, вот она и улетела. А закрой-ка на минутку глаза и представь себе, вспомни, как она там сидела! Ну, видишь?

— Вижу, — ответила, зажмурившись, Юля. — Ну и что?

— Так вот где сейчас та синица, тьфу, ворона, которую ты видишь? Ведь она на дереве — ты это видишь? А та ворона, что снаружи, уж улетела и собирает, наверное, сейчас нектар с цветов.

— Ворона? Нектар!? — вновь ахнула Юля.

— Неважно. Ну, не собирает она нектар, пусть охотится на оленей. Но ведь все равно улетела, а ты ее все еще на ветке видишь. Или вот: представь себе, что ты спишь и тебе снится, что ты играешь с сестрой в крестики-нолики, а она в это время уже в школе. Так где ты с ней играешь — на бумаге или в твоей голове? И где она в это время?

— Кто — голова? — насторожилась Юля.

— Да нет, твоя сестра!

— Так это что, я сплю сейчас, что ли? — и Юля озабоченно стала щипать себя за щеку, пытаясь разобраться в этом вопросе. Было больно.

— Ну, не то чтобы спишь... Иногда и наяву такое можно вообразить! А то

померещится еще что-нибудь, — Кот поежился и три раза плюнул через левое плечо. — Вот где мы сейчас: между явью и сном, или между сном и явью.

— Дядя Пихто, — вспомнила Юля о присвоенном Коту имени. — Я все равно не понимаю, сплю я или воображаю... Неужели я такая воображуля?

— Кстати, насчет моих именин, — встрепенулся ее собеседник, — где бы нам теперь поесть?

И тут Юля тоже вдруг почувствовала, что она очень голодна.

— Что-то ведь было в предсказании Великого Волшебника о том, где нам подкрепится? — спросил ее Кот.

— Не-а... Не помню. Я ведь тогда не была голодной, вот и не заметила, наверное... Там было что-то о лягушке, перепрыгивающей через свой хвост... — нерешительно протянула она.

— Фу, лягушек есть... Хотя, если съесть ее в тот момент, когда она перепрыгивает через свой хвост... — и глаза Кота загорелись зеленым огнем.

«Да, теперь на кролика он не похож», — подумала Юля и вдруг спросила:

— А ты можешь в лягушку превратиться и перепрыгнуть через свой хвост?

Огоньки в глазах Кота погасли. Почесав лапой за ухом, он ответил:

— Отчего же, если сильно захотеть, то смогу, наверное.

— Ну так захоти! — обрадовалась Юля. — Тем более, если я тебя воображаю.

— Ну ты и впрямь воображуля! — фыркнул Кот. Но потом он пригнулся к земле, гикнул, свистнул, притопнул, ударил себя по бокам хвостом и, повернувшись к Юле, сдавленно спросил:

— Так сколько, говоришь, у лягушки ног?

— Четыре, — растерянно ответила Юля.

— Ага, — кивнул головой дядя Пихто, мяукнул — и прямо на глазах лапы и хвост его втянулись внутрь, шерсть исчезла. Перед Юлей заколыхался на траве сияющий розовый шарик. Потом шарик позеленел и как-то быстро перелился в большую сидящую лягушку. Она моргнула пару раз своими выпученными глазами и квакнула:

— Кватово. Га–гатово, ква.

Юля захлопала в ладоши и закричала:

— Молодец! А теперь прыгай через свой хвост!

— Квак? — и лягушка закатила глаза назад и посмотрела на свою спину. — Квак через мой квост? У ляквушки разве есть квост?

— Ах ты, да, — огорчилась Юля. — У головастика есть... Да ведь надо, чтобы лягушка прыгала, а не головастик.

И они оба замолчали и задумались.

10. Прыжок через хвост

Юля и дядя Пихто, который теперь уже совсем не был похож ни на кота, ни на кролика, сидели на густой траве на опушке леса. Они думали о том, как можно перепрыгнуть через то, чего нет. И вдруг Юлю осенила простая идея:

— Послушай, а если я воображу, что у тебя хвост вырос — он вырастет?

— Может, и вырастет, — не очень уверенно ответил дядя Пихто. — А квакой он должен вырасти? Квакой у лягушки может быть квост? Квак у кваквадила?

— Но это же неважно, лишь бы длинный был — чтобы ты через него прыгнуть мог!

— Ну квак это неважно! Это квто воображать его будет — ты или дядя... или тетя там? — возразил ей дядя Пихто. Юля не могла с ним не согласится.

— Пусть тогда будет как у... мыши! — неожиданно для себя самой сказала она.

Ты можешь себе представить, как лягушка пожимает плечами? Так вот, дядя Пихто пожал плечами, снова закатил глаза назад и стал насвистываь какую-то знакомую мелодию (это была песенка

не то альпинистов, не то водолазов, Юля слышала ее по радио), и у него как-то сам собой начал расти хвост! Метра через два дядя Пихто приостановился и сказал:

— Ну, если екво неквысоко натянуть, то можно и прыквать. А квак надо прыквать — с разбега или тквак?

Юля тоже не знала, как надо прыгать. Правда, когда она прыгала через скакалку или играя «в веревочку», то делала это с места. Поэтому она после минутного колебания решительно ответила:

— Тквак. Ой, то есть так. С места!

— А квак с места? Слева направо или справа налево? — опять вылупил на нее глаза дядя Пихто.

Юля молча развела руками: Великий Волшебник про это ничего не говорил, а ей самой было все равно. Поэтому она просто взяла лежащий на земле кончик двухметрового хвоста и, обойдя дядю Пихто справа, прошла перед ним и встала слева.

— Прыгай! — скомандовала она. Дядя Пихто, судорожно втянув (видимо, от волнения) глаза, подался чуть назад и — прыгнул через свой хвост! В то же мгновение ясное до этого небо стремительно затянулось налетевшими невесть откуда облаками, солнце померкло, и издалека донесся чей-то угрожающий рев. Дядя Пихто охнул и сразу посерел:

— Не с той стороны прыквнул! Надо было не слева направо, а справа налево прыквать!!! — и он стал бросаться от дерева к дереву, заглядывая им в корни.

— Что случилось? — испугалась Юля. — Что это было? Что ты делаешь?

— Норку ищу! — отквакнул ей на ходу дядя Пихто. — Прячься! Это сизый дракон ревел! Он всеквда просыпается, когда квто-нибудь слева направо через свой квост прыквнет. Теперь налетит — безобразить будет, пока снова не заснет, — и он остановился, тяжело дыша и вращая своими вылуплеными глазами.

— Так ты что... знал, что нельзя так прыгать? — ошарашенно уставилась на него Юля.

— Знал – не знал... Не знал, не знал, да и забыл! — буркнул в ответ дядя Пихто. — В последний раз тут не в ту сторону лет двести тому назад прыквали! Мудрено ли забыть. Да и все равно не должно ж было такого быть! Откуда он здесь?! Кто ж его из Драконопарка-то выпустил?! — И вдруг он закричал: — Прячься скорее, летит!

Юля обернулась и тоже увидела летящего дракона. Две пары кожистых крыльев, взмахивая в такт, едва держали в воздухе его огромное сизое тело с большим отвисшим животом. Рогатая голова с приоткрытой пастью раскачивалась на лету. Он был еще далеко, но Юля уже отчетливо слышала шум его крыльев и тяжелое дыхание. Дракон повернул голову налево, надул щеки — и из его пасти вырвалась струя пламени! Стоящее в поле дерево вспыхнуло как свечка, и только потом до Юли донесся рев вырывающейся струи огня, а за ним — и угрюмый рык чудовища.

— Ой, хорошо-то квак! — облегченно вздохнул дядя Пихто.

— Чего же тут хорошего? — удивилась Юля. Она во все глаза смотрела на неспешно приближавшегося сизого дракона.

— Как что?! Да разве ты не видишь? Пузо-то у него какое! Сытый он! Значит — скоро упадет и заснет опять, — обрадованно затараторил ее собеседник.

— Так норку не надо искать? — просветлела Юля.

— Почему не надо? Надо! И быстро! — и дядя Пихто хотел было опять броситься на поиски убежища. Но Юля крепко схватила его за хвост и остановила:

— Если я тут все навоображала, так я с ним справлюсь! — она зажмурила глаза и

тут же попыталась вообразить, что дракон упал и спит. Но в ответ раздался такой громкий и яростный рев, что Юля даже втянула голову в плечи. Открыв глаза, она увидела, что дракон превратился из сизого в ярко-красного и стал еще больше. К четырем его крыльям добавился теперь пропеллер на хвосте, который противно жужжал и заметно увеличивал скорость летящего чудовища.

— Ну вот, видишь, я же говорил, что не все тквак просто! — проквакал дядя Пихто, сворачивая свой длиннющий хвост. — Давай-ка теперь возьмемся за руки и вместе пожелаем посильнее, чтобы мы превратились в муравьев. Может, получится! А то увидит — сожжет краснохвостый.

Так они и сделали — и, о чудо, все кругом стало увеличиваться, и через несколько мгновений Юля, оглядев себя, поняла, что она уже превратилась в муравья.

«Дядя Пихто, а обратно мы сумеем превратиться?» — хотела было она спросить, но тут же заметила, что говорить-то она уже не может! Ни одного звука не вырвалось из ее муравьиного рта, но зато быстро-быстро задвигались усики-антенки, касаясь все время стоящего рядом другого муравья — дядю Пихто. И тот ее понял! И, помахав в ответ своими усиками, сказал ей на муравьином языке жестов: «Никогда не пробовал — не знаю. Но зато нас дракон пока может быть не заметит!»

А тот снова заревел — уже где-то совсем рядом, и тут же вспыхнули деревья в нескольких метрах от Юли и дяди Пихто. Пока они в испуге зачарованно смотрели на взметнувшееся рядом пламя, вся живность вокруг пришла в движение, спасаясь от огня. Заметались птицы, запрыгали по веткам белки, проскакали мимо несколько зайцев. Потом небо над ними закрыла огромная туша, и кругом поднялся ветер от сокрушающих воздух крыльев чудовища.

«Не заметил!» — ликующе защекотал Юлю своими усиками дядя Пихто, но тут на них обрушился настоящий поток муравьев! Они бежали из горящего муравейника и тащили на себе белых куколок и кто что смог вынести из огня. И Юля, увлекаемая толпой насекомых, тотчас потеряла дядю Пихто из вида.

11. Муравьи

Муравьи бежали мимо Юли, то и дело задевая ее своими усиками. Она понимала, что ей кричат: «Беги! Спасайся и спасай, что можешь! Помогай нам!» Она быстро огляделась и увидела рядом маленького муравьишку. Тот из последних сил тащил белую муравьиную куколку. Юля подскочила к нему, обхватила его ношу передними лапками, подняла перед собой и бросилась бежать вместе со всеми на оставшихся четырех лапках. Страх и всеобщее возбуждение гнали ее. Но уже очень скоро она почувствовала, что и ее стали покидать силы: ведь так и не нашли они с Котом вчера вечером листьев одуванчика! Ноги стали вялыми и заплетались друг за друга, куколка казалась такой тяжелой. Юля упала бы с ней, если бы большой сильный (и настоящий) муравей не вцепился в куколку и не потащил ее дальше. Все кругом закачалось, затянулось дымкой, под ноги попалась соломинка — и Юля, спотыкаясь подряд всеми тремя своими левыми ногами, упала на землю, теряя сознание...

Она пришла в себя от звона будильника. Кругом было темно, над столом угадывались контуры зашторенного окна. Рядом, высунув из-под одеяла голые пятки и уткнувшись носом в подушку, сладко спала ее сестра Лана. Глаза Юли снова закрылись... Через некоторое время она почувствовала прикосновение маминой руки, гладившей ее по спине. Потом мама поцеловала ее в щеку и ласково сказала:

— Юля, вставай! Тебе сегодня к первому уроку. Скоро Нина зайдет! — и мама попыталась дотянутся до Ланы, которая

лежала ближе к стене, на втором этаже их раздвижной кровати:

— Лана! У тебя сегодня контрольная по математике! А вы собрали с вечера портфели?

Юле стало так хорошо, такой счастливой почувствовала она себя опять дома, рядом с мамой, в родном запахе детской комнаты... И Юля, хотя и не очень любила вставать утром в школу, улыбнулась во весь рот, сладко потянулась и сказала:

— Мама! Ты знаешь, когда я спала, мне снился такой странный сон! Будто был серый туман, и я попала вместо школы в Розовое Облако, и там был Кот, то есть не кот, а дядя Пихто, а теперь он муравей...

Мама слушала ее, улыбалась и гладила по головке, а потом снова поцеловала и перебила:

— А теперь я тебе снюсь!

Юля удивленно уставилась на нее, замотала головой и... снова все помутнело. В щеку ей уткнулось какое-то бревно, которое на самом деле оказалось соломинкой, о которую она тогда споткнулась. Над ней стоял муравей и махал своими усиками: «Ну как, ты в порядке?» Это был дядя Пихто. Юля подобрала под себя ноги и с усилием встала. «Хорошо, что у меня сейчас целых шесть ног, — невольно подумала она. — На две я бы теперь и не поднялась». Ей захотелось плакать, и она заплакала бы — но оказалось, что муравьи плакать не умеют. И Юля замахала усиками в ответ:

«Дядя Пихто, а дракон уже спит?»

«Да нет, теперь он не скоро заснет, — с досадой отмахнулся тот. — Ему пропеллер спать не дает».

«А как же мы теперь? Я муравьем уже не хочу — вдруг наступят. Давай обратно увеличимся!» — взмолилась Юля.

«Дракон — глазастый! — встревоженно поднял свое брюшко дядя Пихто. — Увидит — беда!»

«Ну что же нам делать? Как с этим драконом дурным справиться?» — и Юля сердито подняла голову к небу.

«Забыл! Вспомнил! Ведь есть Книга юного драконоведа! Там все-все описано!» — и довольный дядя Пихто даже потер от удовольствия три или четыре свои лапки друг о друга.

«Ой, здорово! А где она?» — обрадовалась и Юля.

«Как — где? А в библиотеке нашей!» — ответил дядя Пихто, и Юле почему-то показалось, что сказал он это настоящим басом, хотя тот по-прежнему лишь махал своими усиками.

«А как же мы туда попадем?»

«Зачем туда попадать? — удивился дядя Пихто. — Здесь почитаем!» И он, вытянув перед собой переднюю левую лапку, начал на нее дуть. Прямо на кончике лапки начала появлятся крошечная книжечка. Как бы вылезая из лапки, она тут же одновременно быстро росла прямо на глазах, раздувалась — и за несколько секунд превратилась в большую-большую запыленную книгу в толстом кожаном переплете.

«Ух ты, — только и смогла сказать Юля, — а листать ты ее как будешь?»

«Она — самолистающаяся!» — гордо взмахнул усиками дядя Пихто, и книга тут же со скрипом открылась и сказала:

— Оглавление.

«А она и читать нам сама будет?» — обрадовалаь Юля.

— Не буду, — тем же скрипучим голосом ответила книга.

«Не будет, — подтвердил дядя Пихто, — она только названия глав объявляет. Пошли оглавление смотреть!»

12. Книга юного драконоведа

Наши муравьишки влезли (не без труда) на открытую книгу и заползали по строчкам оглавления. Юля ползала и читала, как называются разделы книги:

«Как вылупить дракона из яйца.»

«Как кормить дракона в возрасте до двух тысяч лет.»

«Как кормить дракона в возрасте от двух до пяти тысяч лет.»

«Как отучить дракона сжирать своего хозяина.»

Вдруг дядя Пихто подбежал к ней и взволновано сообщил:

— Нашел! На странице 196 есть глава «Виды вредных драконов и борьба с ними». Спрыгиваем скорее вниз, а то сейчас книга себя листать будет и нас прихлопнет!!!

И едва они успели добежать до края страницы, как книга закряхтела. Над ними поднялась огромная страшная стена — переворачиваемая страница! Юля и дядя Пихто скатились кувырком вниз, и сверху на них посыпалась пыль с переворачиваемых листов. Потом шум прекратился. Пыль осела, книга чихнула и сказала:

— Приехали. Глава тринадцатая. Виды вредных драконов и борьба с ними. — Помолчав, она добавила: — Вот умники. Как будто драконы еще и безвредные бывают!

Оба наших муравьишки вскарабкались шустро наверх, на открытую страницу, и забегали строчка за строчкой, толкаясь и читая наперегонки про вредных драконов.

«Дракон становится вредным по вылуплению из яйца, — было написано в старой книге, — а видов его всего пять. Зеленый скользкий дракон, он же змий, размером мал и имеет пристрастие к стеклянным бутылям. Очень прилипчив. Его можно отпугнуть огуречным рассолом. Желтый жесткокрылый дракон стремителен в полете и пробивает клювом любую бронь, но вязнет в жирном пластилине. Чтобы обороть его, возьми пять пуд пластилину и скатай из него шар. Улучив минуту, брось шар в клюв дракона: он увязнет в нем, и оба упадут. Прозрачный безухий дракон прилетает губить посевы гороха. Его надо ловить рыболовной сетью. Вкопай в чистом поле на три сажени два столба по десять сажен высотой и со старого кабана толщиной, да привяжи крепко к ним драконову сеть. Посади горох. На третий день дракон прилетит и запутается. Крупнорогий сизый дракон мечет огонь и топчет ногами. Но надо обождать, пока он заснет...»

На этом месте дядя Пихто толкнул Юлю под второй левый локоть и сказал ей своими усиками: «Видишь, я же говорил!» Но Юля уже спешила прочитать дальше:

«... и тогда он спит, пока его кто-нибудь не разбудит. Красный винтовой дракон самый вредный. Никогда не спит и очень быстр. Падает на противника брюхом и давит его до смерти. Огонь мечет как два крупнорогих сизых дракона. Почти совсем необорим. Но есть одно единственное средство против него: надо раздавить об него спелый...» — и тут Юля растерянно остановилась. Вот именно то, что надо раздавить — это слово было залито огромной черной кляксой! А после нее начиналась уже совсем другая глава — четырнадцатая: « Где зимуют драконы.» Юля повернулась к дяде Пихто и вопросительно подняла свои усики. Тот только развел в ответ свои в недоумении.

— Кхм, — смущенно кашлянула книга. — Я, конечно, извиняюсь, ребята. Да ведь за всеми не уследишь. Вас много, а я одна...

«Чего уж теперь, — сердито отмахнулся от нее дядя Пихто. — Промакашку с собой носить надо! А ты, часом, не помнишь, что тут написано-то было?»

— Там... ну, что-то такое, овощное... Огурцом его можно зарезать, что ли... Да нет, не то. Не помню уже. Старая я...— и книга еще что-то пробормотала и затихла. Юля и дядя Пихто стояли у края черной кляксы и тоже молчали. Юля думала почему-то о том, что на шести ногах бегать оказалось ничуть не сложнее, чем на двух, а дядя Пихто думал, наверное, что наконец-то у него при превращении все правильно получилось.

И так они глубоко задумались, что даже не заметили, как сверху на них падает огромная тень...

13. Белые вороны

Когда, наконец, Юля и дядя Пихто заметили, что вокруг стремительно темнеет, и подняли вверх головы, они увидели прямо над собой падающего на них брюхом красного винтового дракона. Бежать было поздно. Они посмотрели друг на друга, и дядя Пихто отчаянно взмахнул усиками:

«Загадываем вместе желание! Скорее!!»

Прикрыв голову лапками, Юля стала изо всех сил желать, желать... Раздался гухой грохот, треск ломающихся деревьев и громовые ругательства. Повернувшись, Юля увидела сквозь облако пыли и падающих на землю листьев и веток лежащего недалеко в буреломе поваленных деревьев красного дракона. Чертыхаясь и плюясь, он выдергивал из своих боков стволы деревьев.

«Ух ты, — сказал дядя Пихто, — здорово! А что ж ты пожелала-то?»

«Чтоб ты промахнулся, проклятый! А ты?»

«Гм... примерно то же самое. Вот ведь, получилось! Стоило только вместе это пожелать! — удивился дядя Пихто. — Теперь можно и обратно превращаться.»

«А этот... — и Юля покосилась на кряхтящее неподалеку красное чудовище, — этот на нас опять не налетит?»

«Ну ты сама подумай, представь себе: вот ты упала на кактус. Куда теперь лететь, пока все колючки не повыдергаешь? — и дядя Пихто почесал за усиком задней лапой. — А главное — прислушайся, жужжит?»

«Что – жужжит? — не поняла Юля, но прислушалась и добавила: — Ничего не жужжит».

«Вот видишь, значит он пропеллер себе погнул! А без пропеллера ему не взлететь — большой больно!»

Юля было успокоилась, но тут же снова спросила: «А... ходить он может?» Дядя Пихто тут же как-то помрачнел и усики у него заметно поникли: «Может. И бегать — тоже очень даже может. А давай — мы теперь полетим!»

И через несколько мгновений они превратились в двух белоснежных ворон. Юля ахнула, а дядя Пихто каркнул:

— Ох, заклюют! Договориться нам наперед надо было!

— А давай пережелаем! — предложила Юля.

— Пережелаем... А разве ты не знаешь? — удивленно наклонил голову дядя Пихто и, в ответ на раскрытый Юлин клюв, добавил: — Из белых ворон уже ни в кого больше не превратишься — как бы ты не желал! Полетим скорее, пока этот тип пропеллер себе не починил!

— С разбега? — спросила Юля.

— Чего? — не понял дядя Пихто.

— Ну, как полетим — разбегаться надо?

— Кому — зрителям, что ли? — опять не понял дядя Пихто. — Так нет никого, не бойся!

— Да нет, как нам взлетать? Я же еще ни разу сама не взлетала. Ой, а что с книгой делать?

— Да! — подала тут же голос книга. — А со мной что будет? Дракон ведь заберет!

— В библиотеку обратно сдам! — решительно каркнул дядя Пихто. Он спрыгнул с ее открытой страницы и взмахнул пару раз крыльями, как бы сгребая книгу в комочек. И та действительно быстро съежилась до маленькой точки и — дзинь! — со звоном исчезла.

— А теперь — взлетаем! С разбега!

И они оба наклонились вперед, растопырили крылья, присели — и бросились бежать! Топча лапами мягкую лесную почву, они сделали круг по полянке, но не взлетели и, остановившись, озадаченно посмотрели друг на друга.

— А крыльями махать надо! — догадалась, отдышавшись, Юля. — Мы же не самолеты.

Дядя Пихто кивнул, и они попробовали еще раз. Махать крыльями на бегу оказалось очень трудно, и они оба упали, не сумев удержать равновесие.

— Послушай, — подумав, спросила Юля, — а вороны машут крыльями по очереди или одновременно?

— Все вместе, что ли? — не понял дядя Пихто.

— Нет, я спрашиваю: сперва левым, потом правым, или сперва правым, а потом левым... Тьфу, то есть, так как — так или обоими крыльями сразу махать надо?

Дядя Пихто пожал плечами и, осмотрев себя, каркнул:

— А ты заметила, что у меня ровно два крыла, а не три и не четыре? У меня с тобой все превращения очень хорошо получаются. Вот что значит — за компанию делать! А то все шиворот-навыворот шло, — и он довольно покачал головой. — Давай-ка сперва попробуем по очереди махать. Раз, два, три — пошли!

Они снова бросились бежать по полянке, раскачиваясь из стороны в сторону и задевая крыльями за землю. Но и на этот раз они тоже упали и, сложив свои уже изрядно попачканные крылья, присели отдохнуть. И тут Юля вдруг заметила наступившую тишину: дракон больше не пыхтел, не ругался и не ворочался среди поваленных деревьев. Она посмотрела в его сторону — и встретилась с ним взглядом! Он с любопытством таращился на них, ожидая, наверное, новых попыток взлететь. Но пропеллер дракона — Юля сразу заметила торчащую из-за его спины погнутую лопасть — был все еще не починен, и это немного подняло упавшее было Юлино настроение.

— А он на нас... не дыхнет? — спросила она тихо у дяди Пихто.

И тут они оба бросились от дракона: два-три прыжка, сильные взмахи крыльев — и вот они уже были в воздухе и изо всех сил старались побыстрее убраться с этого опасного места. Дракон спохватился поздно. Когда он действительно «дыхнул» на них, обе наши белые вороны были уже далеко, и пламя их не достало. Только сильная струя горячего воздуха подтолкнула их сзади и чуть было не кувыркнула на лету.

Они поднимались все выше и летели все дальше от места падения дракона. Деревья казались уже совсем маленькими, ручей вился синеватой ниткой через поле, желтел песок на такой тоненькой теперь дорожке. Тут и там дымились большие черные пропалины-ожоги, следы огненных струй дракона. Сам дракон казался уже не настоящим, а просто маленькой красной игрушечной фигуркой. Вот только то, что деревья рядом с ним были еще меньше, говорило о его огромных размерах. Домик мышей уцелел и казался теперь таким малюсеньким, что Юля не могла поверить, что она когда-то в него заходила.

Чем выше они поднимались, тем дальше было видно вокруг. На севере громоздились горы, одна выше другой. Самые высокие были покрыты снежными и ледяными шапками, ослепительно сиявшими на солнце. Во все остальные стороны тянулись леса и луга, кое-где поблескивали зеркала озер и рек, и был даже виден какой-то городок с замком на холме. Но вот что было странно: земля сверху вовсе не выглядела плоской, но как бы поднималась вдали кверху. Юле даже показалось, что она находится внутри огромного таза, края которого теряются в голубоватой дымке. Но она этому уже ничуть не удивилась. Во-первых, это было не так уж и удивительно, если вспомнить, что с ней происходило последние два дня. А во-вторых, с непривычки она уже устала махать крыльями, да и в перьях было

просто жарко. Ноги болтались где-то сзади внизу и тоже мешали. Очень хотелось пить, и Юля знала, что как только она попьет, ей тут же очень захочется есть. Дядя Пихто испытывал, по-видимому, те же неудобства. Крылья его взмахивали уже не так сильно, движения выдавали усталость.

— А что, парашютов у нас с тобой нет? — спросил он вдруг с надеждой у Юли.

— Нет, — еле каркнула она в ответ. — А что?

— А то бы мы с тобой сейчас прыгнули, — вздохнул дядя Пихто и, перестав махать крыльями, начал падать, кружась в воздухе, как сухой лист. С криком «Ты куда?!» Юля бросилась за ним и, описывая вокруг него круги, стала снижаться с такой же скоростью, что и растопыривший крылья дядя Пихто. А он закатил глаза и считал вслух:

— ... тринадцать, четырнадцать, пятнадцать,...

— Да что ты? — опять крикнула Юля. — Что ты считаешь?

— Не что, а кого. Овец считаю, — ответил ей сонно дядя Пихто. — Спать хочу. Говорят, когда заснуть надо, помогает. Досчитаешь до ста — и уснешь. Семнадцать, восемнадцать,... — продолжал он считать.

Юля совсем было растерялась, но тут — плюх! Раздался громкий шлепок, и дядю Пихто даже подбросило в воздухе. Он ошарашенно вытаращил глаза, замахал крыльями и забарахтался на месте. Юлю тут же тоже что-то толкнуло снизу и, зарывшись клювом в перья на груди, она увидела на своем животе жирную черную цифру «8». На боку дяди Пихто красовалась такая же жирная черная семерка.

— Нас посчитали! — каркнул он, переворачиваясь через крыло и устремляясь по крутой спирали вниз с еще бóльшей скоростью.

14. С Номерами

Земля вертелась перед Юлей волчком, воздух свистел в перьях за ушами. Она неслась вниз вслед за перекошенным хвостом дяди Пихто, стараясь удержаться за ним и не остаться одной в небе, где на тебя так внезапно шлепаются жирные черные цифры. Кто знает, что может шлепнуться в следующий раз? Дыхание у Юли перехватило, в голове шумело, сердце стучало быстро-быстро, а в глазах потемнело. Внезапно белая ворона впереди вильнула и полетела прямо и медленнее. Юля немного отдышалась и огляделась. Она увидела, что они спустились уже совсем низко и летят между двумя высокими лесистыми холмами.

Выбрав сосну повыше, дядя Пихто махнул головой Юле. Описав вокруг дерева круг, он примостился на суку у самой верхушки. Юля, промазав с первого захода, все же уселась в конце концов рядом с ним. Сук под их весом упруго качнулся и чуть не сбросил с себя дядю Пихто, но тот удержался и только каркнул от неожиданности.

— Ты чего так испугался? — спросила его Юля.

— Во-первых, я вообще не люблю, когда меня считают, — наклонив голову и прикрыв правый глаз, сказал дядя Пихто. — А во-вторых, ты знаешь, кто и зачем нас посчитал?

— Не-а...

— Я тоже пока не знаю зачем. Но вот КТО — это я понял. Ты видела — мы пролетали как раз недалеко от серого замка на вершине скалы у озера?

— Честно — не видела. Я видела только, как ты спать укладывался, — прямо ответила Юля.

— Гм... Если честно — я тоже не видел, — немного смутился дядя Пихто. — Но все равно тут где-то стоит этот самый замок Скверного Волшебника Компоста, а его приемный сын — никудышний двухголовый колдунишко Пом-и-Дор...

— Всамделишно двухголовый? — поразилась Юля.

— Ну да, потому и никудышний. Две его головы (одну зовут Пом, а другую — Дор) все время ссорятся, кто что должен делать. Поэтому ничему путному научиться он и не может. Вот сегодня — четный или нечетный?

— Кто? — опять поразилась Юля.

— День! Какой день сегодня? — тоже удивился ее непонятливости дядя Пихто. — Ну, неважно. Так вот, если четный — то его зовут сегодня Пом-и-Дор, а если нечетный — то Дор-и-Пом, чтобы ни одной голове обидно не было. И вот этот самый Пом-и-Дор (или Дор-и-Пом) никак не может сам с собой договориться, что он будет теперь делать. И потому сидит он обычно в башне замка у окна и считает ворон в небе. Головы соревнуются — кто больше подсчитает. А кто победит — тот будет за ужином есть и пить — за двоих!

— Ух-ты! — ахнула Юля. — Мне бы теперь хоть за половинку поесть. А что они, то есть он, ну, они за ужином едят?

— А вот небось всех, кого подсчитают за день, того и едят! — каркнул мрачно дядя Пихто, переступая с ноги на ногу. — Вот нас и пометили для этого.

— Так он что — вороноед? — упавшим голосом протянула Юля.

— Ну, вообще-то он еще и мух ртом ловит, — попробовал утешить ее дядя Пихто. Но Юля грустно смотрела на черный номер на своем животе и ничего не ответила. Перья на ее хвосте печально повисли, клюв поник. В какую неприятную историю она попала! Это было даже хуже, чем забыть сделать домашнее задание или оставить дома прописи, или посадить в тетради кляксу... Стоп! И Юля даже подпрыгнула от неожиданной спасительной мысли. Клякса!

— Дядя Пихто, а где тут есть грязь? Настоящая грязь? — спросила она повеселевшим голосом.

— Грязь? Зачем тебе грязь? — удивился тот. Юля вместо ответа показала клювом на жирные цифры на них обоих. Дядя Пихто все понял и тоже просветлел. — Летим в грязь! — радостно закричал он, и они прыгнули с сука вниз, не забыв при этом раскрыть крылья.

— Летим в город, — повернув к Юле клюв, каркнул дядя Пихто, — там всегда грязь найти можно!

Они летели по лощине между двух склонов, спускаясь все ниже и ниже, поворачивая вместе с ней то направо, то налево. Наконец, после очередного поворота, перед ними открылся вид на город. Белые домики с красными черепичными крышами стояли вокруг высокого холма, на вершине которого громоздился большой старинный замок. Стены замка как бы вырастали из скал, составляющих верхнюю половину холма. Нижняя, лесистая половина холма словно раздвигала дома и улицы города, вынырнув посередине его из-под земли. Юля и дядя Пихто подлетали уже к окраинам, и в это время часы на высокой башне у рыночной площади пробили полдень. Густой звон колокола, отдудонивавшего свои двенадцать раз, входил в них через клюв, проходил по телу и покидал их на кончике хвоста, оставляя после себя на спине приятное шевеление мурашек.

И одновременно с последним ударом колокола откуда-то снизу раздалось громкое «Каррр!» — и большой дуб вспух прямо на глазах черно-серым облаком. Это поднялась с него туча воронья и, вытягиваясь в хищную дугу, устремилась прямо на Юлю и дядю Пихто. Бежать было поздно.

15. Воронье

Воронье окружило Юлю и дядю Пихто плотным черно-серым кольцом, и это кольцо неумолимо сжималось вокруг двух наших белых ворон.

— Что делать будем? — спросил сам себя дядя Пихто и тут же скомандовал: — Спиной к спине!

— А крылья куда? — удивилась Юля, но все-таки крутанулась спиной к своему спутнику и растопырила вслед за ним свои когтистые лапы навстречу сжимавшемуся кольцу.

Висеть в воздухе на одном месте было совсем не просто. Юля подивилась, как только это удается мухам и колибри. Но делать было больше вроде бы нечего. Увидев перед собой острые когти, воронье недовольно закаркало и немного замедлило свою карусель вокруг Юли и дяди Пихто. Из кольца вынырнула большущая сизая ворона. Она подскочила к ним совсем близко, вылупила свои вороньи глаза и грозно спросила:

— Вы зачем белые? Вы — кто?

У Юли как-то само-собой вырвалось:

— А мы — негативные...

— Что-о-о?? — от неожиданности вороний вожак (а это был, несомненно, вожак всей стаи) чуть не упал. — Какие такие... генативные?

— Темнота! — радостно закричал дядя Пихто. — Ни разу не фотографировался!

— Почему же ни разу? — тут же надулся от важности вожак. — А для паспорта?

— Так вот мы — недофотографированные! — заорал опять дядя Пихто. — Снять-то нас сняли, да еще не отпечатали. Вот потому у нас все черное — белое, а все белое — черное!

— Заклюем!!! — заревело вдруг воронье вокруг и придвинулось еще ближе.

— Ужо я их сейчас пропечатаю! — каркнуло где-то совсем рядом. И только взмахи острых как бритва когтей окруженных белых ворон остановили воронье. Оно снова закружилось нескончаемым хороводом вокруг наших героев.

— Как это — не отпечатали? — неожиданно заинтересовался вожак. — Ворона — не газета ведь, чтоб ее печатали!

— Не газета! Не газета! — закаркало снова вокруг воронье, но уже не так свирепо и не надвигаясь более на Юлю и дядю Пихто. Видимо, многие вороны вообще не знали, что такое газета. Но им было приятно поучаствовать в таком умном разговоре вместе со своим вожаком.

— Ну не газета... А я вот зато была в газете! — выпалила не очень впопад Юля. Она действительно была на фотографии их маленького оркестрика, выступавшего на своем первом концерте в музыкальной школе. Эта фотография действительно была напечатана в газете, и экземпляр этой газеты лежал теперь в большой комнате в шкафу.

— Ага! — обрадовался сообразительный вожак. — Так значит тебя-то уже отпечатали! А ты все равно белая!

— Заклюем! — взревело тут же воронье.

— Вот и нет, вот и нет! — быстро-быстро закаркал дядя Пихто. — Это вот она тут в негативе и осталась белая, а в газете она — черная!

Надо сказать, что тут он был отчасти прав. Юля действительно получилась на фотографии темноватой (она стояла там на фоне светлого окна). Впрочем — ты ведь, быть может, и сам уже замечал — что ни скажи, а почти всегда в словах будет отчасти правда.

— Подумаешь, умный какой, — ответил на это вожак, — мы тут и правда университетов всяких там не заканчивали. Мы — народ простой, темный... Зато мы — как все! Газеты их, видишь ли, печатают! Болтовня. Чем докажешь, что вы негативные?

— А вот мы сейчас отпечатаемся! — уже задиристо откаркнул дядя Пихто. — Тогда увидишь! Юля, за мной!

И он, сложив крылья, рухнул вниз. Юля с упавшим сердцем ринулась за ним. Быстро спустившись почти до самой земли, они притормозили крыльями и влетели друг за другом в жидкую черную грязь, заполнявшую большую канаву у дороги на въезде в город. Барахтаясь

вслед за дядей Пихто в пахучей жиже и стараясь вымазаться получше, Юля подумала, что какой же дядя Пихто оказался тут сообразительный и ловкий! Ах, если бы он только еще сообразил, где и чем им покормиться (искать листья одуванчика ей по-прежнему не хотелось).

Когда бывшие белые вороны, фыркая и отряхиваясь, вылезли наконец из канавы, воронье сидело вокруг на земле, на кустах и на деревьях, почти закрывая собой всю зелень травы и листьев.

— Ну вот, теперь вы — как все! — удовлетворенно заявил вожак. — Поздравляю! Клевать не будем, — каркнул он уже своей стае. — Вперед, друзья, на большую помойку! — и тут же все вокруг зашевелилось, радостно закаркало и замахало крыльями. На мгновение показалось, что это сами деревья замахали большими серыми листьями и поднялись в воздух. Но нет, уже через секунду-другую стало ясно, что это только взлетало, отправляясь на свою кормежку, воронье.

— А как это... их уже — на помойку? — не поняла Юля.

— Да нет, это же вороны! Кормятся они там, понимаешь, — ответил ей, отдуваясь, дядя Пихто.

— Да ну! — радостно подпрыгнула Юля. — Давай за ними, пока они еще совсем не улетели! Я так есть хочу...

— А ты дохлятину как будешь склевывать — с головы или с хвоста? — спросил ее дядя Пихто.

— Бр-р-р, — запнулась тут же Юля.

— А в отбросах как лучше рыться — клювом или лапой?

Юля сникла и, помолчав, сказала:

— Ну вот, совсем аппетит отбил, — но почти тут же добавила: — А есть все-таки хочется.

Они выбрались на большую кочку, уселись на солнышке и посмотрели друг на друга. И почти одновременно оба воскликнули:

— Так мы уже не белые!

16. Входная Загадка

Подсохнув на кочке, Юля и дядя Пихто перешли под стоящее рядом дерево и уселись в его тени отдохнуть и подумать. Все время в кого-то превращаться им уже надоело. Но наконец-то, перестав быть белыми воронами, они снова могли стать самим собой — ну, или еще кем-то. И после только что пережитого оба они хотели поскорее перестать быть воронами — какого бы то ни было цвета. Но в кого именно им теперь превращаться? Это надо было обдумать и обсудить.

— Послушай, а кто живет в этом городе? — Юля кивнула головой в сторону стоявших неподалеку городских ворот.

Дядя Пихто почесал лапой за ухом и сказал:

— Это город э-э-э... герцога Томата!

— А... — начала было Юля.

— Да-да, называется город Томатбург, тот самый двухголовый Пом-и-Дор приходится здешнему герцогу троюродным братом — или братьями. Скверный Компост хочет этим воспользоваться и объявить Пом-и-Дора законным повелителем Томатбурга, свергнуть герцога и посадить его в теплицу, тьфу, в темницу, — поспешил объяснить ей все дядя Пихто.

— Да нет, я только хотела узнать, — перебила его Юля, — там кто — мыши или помидоры, или еще кто-то живет? У вас тут всякое бывает... Если мы туда пойдем, кем нам надо становиться?

— Пожалуй, нам в любом случае надо становиться людьми, — вздохнул дядя Пихто и снова почесал лапой за ухом. — А город этот — как город. Живет там, кто хочет. Ну, и кто может, конечно.

Тут до них долетел какой-то очень вкусный и знакомый запах. Где-то совсем недалеко, за городской стеной, варилась еда. Они оба вздрогнули, переглянулись — и через мгновение грязных ворон под деревом уже не было. Юля превратилась опять в саму себя и была в той же одежде, что и накануне утром, и даже ничуточку

не грязная. А дядя Пихто стал невысоким рыжим человечком в кедах, джинсах и клетчатой рубашке, а... Да, у рубашки было четыре рукава, и все они были при деле, то есть в каждом было по руке. Двумя руками он схватился за голову, а двумя — хлопнул себя по бокам.

— Ах ты, что ж такое-то! — сокрушенно выдохнул он. — Какое-то насекомое, а не человек получился. Ну, ладно, пойдем, — и дядя Пихто, засунув пару рук в карманы и широко размахивая оставшимися двумя, зашагал к городским воротам. Юля потрясла головой — она все еще иногда удивлялась странности происходящего — и поспешила за ним.

Ворота оказались закрыты. Дядя Пихто решительно взялся за висевшее на них кольцо и дважды сильно стукнул им по воротам. За ними кто-то недовольно забурчал, всхрапнул, и снова все стихло. Дядя Пихто подождал минуту и опять сильно стукнул два раза. На этот раз стук, видимо, разбудил сторожа. Раздался шумный зевок, а затем нестройный топот нескольких, видимо, сторожей, подходивших к воротам. Звякнул засов, и на воротах открылось небольшое смотровое оконце. Оттуда на наших путешественников глянула пара заспанных, но выпученных глаз и торчашие усы.

— Чего хулиганишь, а? — спросил обладатель выпученных глаз дядю Пихто. — Не велено!

— Что не велено? — удивилась Юля. — Мы же ничего и не делали!

— А ходить тут всяким — не велено! — важно разъяснил сторож.

— А стучать в ворота странникам — велено? — вмешался дядя Пихто.

— Стучать — велено... — неохотно согласился сторож.

— Тогда — открывай ворота, мы есть хотим! — обрадовалась Юля. Но сторож тут же нашелся:

— А паспорт у вас есть?

— Конечно! — и дядя Пихто вытащил из кармана какую-то розовую бумажку и помахал ей перед выпученными глазами сторожа. — Вот, гляди, поменяли в этом году, и печать стоит!

Сторож вздохнул, захлопнул оконце и тут же заскрипел большим засовом на воротах. Через минуту ворота тяжело распахнулись перед Юлей и дядей Пихто, и они вошли, наконец, в город. Только теперь увидели они всего сторожа. Он стоял, подобоченясь и опираясь на большую пику, в помятом рогатом шлеме и ржавых побитых доспехах. Самое примечательное в нем было — число ног. Их было шесть! Дядя Пихто от неожиданности присвистнул и вполголоса сказал Юле:

— Если я насекомое, то этот тип — паук! Смотри — шесть ног да две руки — вот тебе и восемь конечностей! Форменный паук.

— А пауки насекомых — едят? — полувопросительно ответила Юля и тут же добавила: — Все равно ты неправильно рассуждаешь. Если ты паук, то у тебя восемь конечностей, это так. Но если у тебя восемь конечностей, то ты же не обязан быть пауком. Вот возьмем, к примеру, осьминога...

— Бр-р-р, не будем его брать, — поежился дядя Пихто, и их тут же перебил внимательно прислушивавшийся сторож:

— По милостивому повелению нашего благородного повелителя, властелина нашего города, шести холмов и пяти деревень, его высочества герцога Пом-и-Дора (при этих словах Юля вопросительно помотрела на дядю Пихто, а тот ей кивнул в ответ: «Значит, уже»), всякий входящий в город странник, будь он конный или пеший, дворянин или другого сословия, не войдет в него... — и сторож приостановился тут отдохнуть. Отдышавшись, он продолжил:

— ... пока не разгадает Входную Загадку Великого Герцога! А если упомянутый странник даст неправильный ответ на Входную Загадку Великого Герцога, то он поступает на кухню Великого Герцога...

При этих словах наши спутники было приободрились, но сторож тут же добавил:

— ... и идет на парадное жаркое на обед Его Высочеств, — и он громко чихнул и ударился при этом шлемом о свою пику. Лица у Юли и дяди Пихто вытянулись, но отступать было уже поздно.

— Вот Входная Загадка Великого Герцога! — опять заговорил сторож. — На Входных Воротах города Его Высочеств сидело десять ворон. Главный Сторож Входных Ворот города, — тут он немного надулся и зашевелил усами, — выстрелил из Главного Мушкета Стражи Входных Ворот города (Юля уже успела заметить огромное ржавое ружье, стоящее у стены дома). Точным выстрелом одна ворона была убита!

— Вр-рет! Вр-рет шестиногий! — послышалось откуда-то сверху, и над ними пролетел давешний вожак вороньей стаи. Сторож тут же метнул в него пику, но не попал. Пика упала на стоящий рядом дом, выбила стекло в окне на втором этаже и тяжело грохнулась на мостовую. Сторож, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Убита. Вопрос: сколько осталось ворон на воротах?

— Де... — начал было дядя Пихто, но Юля тут же закрыла ему рот рукой и бойко ответила:

— Ни одной! Громовой выстрел Главного Мушкета Стражи Входных Ворот города Его Высочеств насмерть напугал остальных ворон, и они рухнули наземь! — это выскочила как бы само собой. Юля даже испугалась своего неожиданного ответа.

Сторож досадливо крякнул, усы его поникли. Он неохотно буркнул:

— Проходите. Ужо на выходе посчитаемся, — и, закрыв снова на засов ворота, он лег на валявшийся рядом рваный полосатый матрац, набитый соломой, и тут же захрапел.

17. От харчевни до темницы

— Ну-с, — довольно сказал дядя Пихто, потирая друг о друга все свои четыре ладони, когда они, наконец, отделались от Главного Стража города, — теперь пошли в город!

Они повернулись «налево-кругом», притопнули правыми каблуками и пошли по улочке к центру города. Но странное дело! Они шли — но никого нигде не встречали. Не было слышно ничьих голосов, ни лая собак, ни вообще какого-либо звука. Правда, трубы домов кое-где дымились, и потому город не казался совсем уж мертвым.

Улочка, по которой шли наши герои, повернула направо — и они тут же увидели вывеску «Харчевня Толстого Усатого», висевшую над входом в угловой дом с закопчеными окнами и стенами. Он был заметно грязнее своих соседей и стоял среди них, как толстый лавочник, вышедший на улицу и уперевший руки в бока. Дядя Пихто открыл скрипнувшую дверь, и они вошли в темноватое помещение. Внутри никого не было, и пробивавшийся в окна свет освещал только стоявшие в два ряда темные деревянные столы на толстых ногах и такие же массивные скамьи с обеих сторон от столов. Мимо Юли пролетела жужжа муха, и опять стало тихо. Дядя Пихто постоял немного и громко старательно прокашлялся. В глубине помещения что-то стукнуло, раздался шум шагов, а вслед за шумом появилась и его причина: грузно ступая, на свет вышел действительно толстый и действительно усатый человек в поварском колпаке и фартуке поверх какого-то непонятного халата. Колпак и фартук были, наверное, когда-то белыми.

— Ну? — спросил он и набычился. Лицо его было очень смуглым, щеки покрывала густая сизая щетина, усы грозно топорщились.

— Нам бы это... покушать, — робко сказала Юля.

Хозяин фыркнул, хрюкнул и хлопнул себя руками по животу:

— Ну вы даете, — и он, показав им на скамьи у ближайшего стола, ушел обратно вглубь зала.

Юля и дядя Пихто пожали плечами, уселись за стол и принялись разглядывать помещение. Низкие темные своды, толстые бревна, подпирающие потолок, окна с частым переплетом — все было прямо как в кино про средневековье. Свет шел не только через окна: под потолком дымились еще несколько светильников, дававших неровные красноватые отблески на стенах. Разговаривать как-то не хотелось.

Прошло несколько долгих минут. Потом где-то в глубине снова что-то стукнуло, и появился хозяин, несущий несколько мисок со снедью. Подойдя, он со стуком поставил перед Юлей и дядей Пихто по миске с вареными картофелинами в мундире, еще одну миску — с луковицами и побегами зеленого лука и чеснока, и бросил на стол по паре ножей и вилок. Наконец, он аккуратно поставил на середину стола красивую фарфоровую тарелку с золотой каемкой. На тарелке лежал прекрасный свежий помидор, украшенный веточками зеленого укропа. После этого хозяин отошел в сторону и оперся спиной о стену. Он сложил руки на груди и стал наблюдать за своими гостями.

Юля и дядя Пихто переглянулись и улыбнулись друг другу. Они взяли в руки ножи и вилки и, не сговариваясь, воткнули вместе свои вилки в этот красивый сочный помидор! Раздался вопль хозяина, и через мгновение того уже не было в харчевне — он бросился с криком на улицу и куда-то побежал. Крик его быстро затих, а наши герои остались сидеть с открытыми ртами и уставившись друг на друга. Через несколько секунд они закрыли рты, сглотнули, пожали плечами и наконец-то принялись за еду. Они успели уже съесть по картофелине и по половинке помидора, когда с улицы раздался топот и в харчевню ввалился толстый и усатый хозяин, а за ним — два стражника в мятых доспехах и с мечами в руках.

— Вот они, посягатели и осквернители! — запыхавшись, простонал он, тыча толстым пальцем в Юлю и дядю Пихто. — Они покусились на парадный символ благополучия и Светлой Личности Его Высочеств! И... — хозяин не то икнул, не то задохнулся, увидев пустую тарелку с капельками томатного сока. — Святотатство! Они съели его! — и он чуть не упал от ужаса и негодования.

— Хр-р-рум! — грозно сдвинули брови стражи, и через минуту наши герои были уже снова на улице. Стражи тащили их за шиворот вслед за собой к центру города. Улица была вымощена крупным булыжником, и бедных арестантов подбрасовало на неровной мостовой.

— Это у них тут... вместо трамвая, что ли, — попытался пошутить дядя Пихто. — Трясет, во всяком случае, прямо как в трамвае.

Юля была так напугана, что просто не смогла ничего ответить, хотя и подумала, что трамвай этот местный — бесплатный, но уж лучше кататься в платном трамвае и не за шиворот. Да и где им сходить теперь придется?

«Сошли» они у здания ратуши, что стояло прямо у подножия холма, на вершине которого виднелся грозный могучий замок. Стражи отперли низкую дверцу в стене ратуши и втолкнули Юлю и дядю Пихто в темную и сырую каморку. Дверь за ними захлопнулась, скрипнули в замочной скважине ключи, и стало совсем темно.

— Н-да, покушали, — сказал дядя Пихто. — Я так теперь думаю, что ты, наверное, всегда очень капризничала за едой, да?

— Не очень, — неуверенно ответила Юля и вздохнула.

— Вот нам теперь и достается, — подытожил дядя Пихто и замолчал.

— А зачем нас сюда? — спросила теперь Юля.

— Подержат тут немного, — и дядя Пихто зашуршал руками по полу, пытаясь найти сухое место или что-нибудь, на что можно было бы присесть.

— А потом?

— Потом, потом. А потом — суп с котом! — с этими словами дядя Пихто сел на что-то и громко почесался.

— С тобой, что ли? — съязвила, обидевшись, Юля. Ее спутник вздрогнул и поправился:

— Ну, это я не буквально, это поговорка такая. Судить будут.

— За что?! — ахнула Юля.

— За тот помидор, — вздохнул дядя Пихто, — это он нам боком выходит.

— И ничегошеньки у меня боком не выходит! — недовольно буркнула Юля, потрогав свои бока. Не успел дядя Пихто сказать ей, что это тоже просто поговорка, как раздался щелчок, в темноте каморки засветился чей-то размытый голубоватый силуэт, и невнятный голос прошмакал:

— Гокого, гегака!

Юля охнула: «Призрак!» — и осела на пол.

18. Выходная Загадка

Светящийся силуэт посреди каморки задрожал и стал заметно четче. У него проступил длинный нос, затопорщились усы, и знакомый голос Великого Мышиного Волшебника уже более внятно повторил:

— Здогово, гебята! — и, чихнув, добавил: — Ну что, здогово я настгоился?

— На что? — не понял дядя Пихто.

— Как на что? На гезкость, конечно! — удивился его вопросу волшебник и снова чихнул.

— Дяденька волшебник, — взмолилась Юля, — раз вы так хорошо на резкость настроились, так заберите нас отсюда! Ведь нас судить будут, а мы ни в чем не виноваты.

— Не виноваты, не виноваты, — закивал согласно головой силуэт Великого Мышиного Волшебника, — а забгать вас отсюда я все одно не могу. Тут я бессилен — Компоста мне не одолеть. Да и потом — газве в моем мудгом пгогочестве было, чтобы я вас откуда-то забигал?

— А зачем же ты тут тогда... сфокусировался? — прямо спросил его дядя Пихто.

— Да так, интегесно было, знаете ли, — пожал плечами Великий Мышиный Волшебник. — Жалобы есть?

— Есть! Сыро тут... — начала было Юля, но Великий Мышиный Волшебник не дал ей закончить:

— Ну тогда я поехал! — и силуэт его быстро поблек и растворился в темноте. Наши герои остались одни.

— И зачем он появлялся? — со слезами в голосе удивилась вслух Юля. Ей стало очень обидно. — Крыса несчастная!

В каморке снова стало тихо. Но длилась эта тишина недолго. Снаружи послышались тяжелые шаги стражника, опять загремели ключи. Дверь распахнулась, и в светлом проеме возникла фигура в доспехах.

— Выходь, редиски! — проревел страж и взмахнул мечом, — Его Высочества изволют велить вас на суд тащить!

— А что, нельзя, чтобы мы сами пошли? — спокойно поинтересовался дядя Пихто.

— Отчего же нельзя? Оно можно, — неожиданно согласился страж. — А дорогу-то в суд сами найдете?

— Найдем, найдем! — обрадованно закивала головой Юля.

— Ну, идите тогда, — и страж посторонился, выпуская узников из каморки, — только чтоб одна нога тут — другая там! Его Высочества страсть как ждать не любят, — с этими словами страж равнодушно отвернулся от них и побрел куда-то в город, волоча по камням свой меч.

Юля стояла, зажмурившись от дневного света, и с удовольствием вдыхала такой свежий после затхлой каморки воздух. Кто-то потянул ее за рукав. Она вздрогнула и открыла глаза. Дядя Пихто прикладывал палец к губам и показывал ей жестами, что надо брать ноги в руки и давать ходу. Юля не заставила себя уговаривать. Через мгновение они уже неслись со всех ног от ратуши. Несколько поворотов, испуганные лица, мелькнувшие в темных окнах — и наши герои вылетели к городским воротам, к уже знакомому им Сторожу Входных Ворот Города. Он, видно, только что проснулся и сидел на своем рваном матрасе и тер кулаками заспанные глаза. Увидев Юлю и дядю Пихто, он обрадованно крякнул, быстро управился со всеми шестью своими ногами, встал, прихватил свою тяжелую пику, принял важный вид и заявил:

— По милостивому повелению нашего благородного повелителя, властелина нашего города, шести холмов и семи деревень, Его Высочеств...

— Так ведь только что пять было! — перебила его Юля.

— Чего пять? — сбился сторож.

— Деревень пять у герцога вашего было! — выпалила Юля.

— Э-э-э, кто вам считает! — протянул недовольно сторож. — Ну пять, ну семь — какая разница? Главное — чтоб герцог был хороший! Ладно, пусть пяти. Да, герцога Пом-и-Дора... Сбивают только... Всякий выходящий из города странник, будь он конный или пеший, дворянин или другого сословия, не выйдет в него, пока не разгадает Выходную Загадку Великого Герцога! А если упомянутый странник даст неправильный ответ на Выходную Загадку Великого Герцога, то он опять-таки поступает на кухню Великого Герцога! И идет на корм Его Высочествам, — и тут сторож громко чихнул и ударился при этом шлемом о свою пику.

— Давай свою выходную загадку! — решительно шагнула вперед Юля.

Сторож утер рукавом повлажневший после чиха нос и спросил:

— Что тяжелее: пуд пуха или пуд гвоздей?

— Пуд гвоздей, конечно! — обрадовался легкой загадке дядя Пихто. Юля успела только прикусить от досады губу, а сторож уже радостно свистел в здоровенный свисток, висевший у него на цепочке на груди.

— Вот и ладненько, нечего тут умников из себя строить! — заключил он, довольно потирая руки, когда Юлю и дядю Пихто снова уволакивали по мостовой два дюжих стражника.

19. На кухню

Наших героев опять проволокли по улицам города. Но на этот раз их протащили мимо ратуши, до темного грота в самом холме. Стражники остановились у огромной мрачной двери внутри грота. Один из них — тот, что держал Юлю за шиворот — ударил дважды в дверь рукоятью своего ржавого меча. В глубине холма что-то загремело и тут же стихло. Но вскоре лязгнул засов и дверь со скрипом отворилась. Из темноты выступил коренастый тип в желто-синем камзоле. Он шумно вытер нос рукавом и грозно спросил:

— Ну?

— Неответившие на выходную загадку Его Высочеств! — торжественно объявили хором стражники, поднимая в воздух (для лучшего обозрения) Юлю и дядю Пихто.

— Ну?! — удивился тип в желто-синем камзоле. — На кухню их! — Стражники вытянулись, щелкнули каблуками и потащили наших героев по тоннелю вглубь холма. Дверь за ними тут же захлопнулась. Свет давали теперь только висевшие кое-где на стенах чадившие факелы. Шагов через сто тоннель привел в

небольшой зал, освещенный уже несколькими светильниками. Там стражники бросили свою ношу на деревянный щит, висевший в центре на толстых ржавых цепях, и доложили сидевшему тут же угрюмому верзиле в сине-желтом камзоле:

— Неответившие на выходную загадку Его Высочеств! Велено на кухню.

— Ага, — без выражения кивнул им верзила. Он тоже влез на щит и ухватился за рукоятки стоявшего на нем большого деревянного колеса. Закряхтев, верзила начал крутить это колесо. Цепи загремели, щит дернулся и пошел вверх. Юля и дядя Пихто уже немного пришли в себя и смотрели во все глаза по сторонам. Щит поднимался как кабина лифта вместе с ними и с верзилой вверх, в темную шахту колодца. Стражники остались внизу. Задрав головы и придерживая руками свои шлемы, они с удивлением глазели на поднимавшуюся конструкцию, пока из тоннеля не раздался грозный окрик «Ну!». Стражники тут же спохватились и поспешили назад, звеня на ходу доспехами.

Верзила пыхтел, колесо скрипело, цепи глухо позвякивали. Щит медленно, но верно шел вверх. Наши герои сидели ни живы, ни мертвы. Они не могли даже собраться с мыслями и придумать, как же им теперь можно бежать. Само мрачное подземелье давило на них, лишая воли и способности соображать.

Наконец, щит вышел из сплошного колодца и поравнялся с полом уходящего в обе стороны коридора. Верзила довольно хмыкнул и закрепил колесо валявшейся на щите палицей. Он сказал «Ага», сгреб Юлю и дядю Пихто в охапку и сошел на твердую землю. Погремев цепью и дождавшись снизу ответного глухого звяканья, он двинулся, раскачиваясь, по коридору. Слева от него проплывали одинаковые массивные двери. Коридор все время немного поворачивал налево. Он был довольно хорошо освещен масляными светильниками, и Юля могла читать таблички на дверях: «Баня», «Склад», «Конюшня», «Судья», «Супермаркет»... Но вот верзила остановился, толкнул дверь с надписью «Кухня» и вошел в большое помещение, заставленное дымившимися котлами, заваленными снедью столами и увешанное по стенам полками со всякой посудой. Посреди этого зала виднелась фигура Главного Повара. Он был тоже толстый и усатый, как и тот, в харчевне, но только еще толще и усатее. За столами и у котлов проворно суетились с десяток поварят. Они рубили что-то ножами, терли на терках, месили руками, мешали в котлах ложками. Главный повар увидел верзилу и грузно прошел ко входу. Он взял у верзилы пленников и стал их рассматривать и мять в руках.

— Ты б еще нас на зуб попробовал бы... рожа, — еле прохрипел дядя Пихто, пытаясь высвободиться из его толстых пальцев. Повар, наконец, кончил их осматривать и спросил у верзилы:

— Что, эти тоже на выходной загадке попались?

— Ага, — отозвался с ухмылкой верзила и вышел вон из кухни. Главный повар замурлыкал себе под нос какую-то песенку, прошел в угол и бросил Юлю и дядю Пихто на пол на какие-то пыльные мешки.

— Посидите... пока, — сказал он зловеще и вернулся обратно в центр кухни.

Наши герои валялись на полу в пыльном углу. У них не было сил ни встать, ни даже сесть.

— Это все злые чары Компоста, — просипел дядя Пихто, — и мы тут ни в кого не превратимся. Не хватит нас на это, — и он закрыл глаза.

— Да не хочу я, чтоб меня тут съели! — возмутилась из последних сил Юля. И вдруг ее осенило: — Погоди, погоди, дядя Пихто! Ты сказал: «Ни в кого». А во что — хватит нас на это?

— Во ЧТО?? Это куда проще, — оживился тот, — давай, это наш последний шанс.

Юля быстро оглядела весь зал, смекнула, как тут легче затеряться, и толкнула дядю Пихто в бок:

— Поехали! Попробуем стать горшками!

Они еле-еле вскарабкались на полку с горшками у стены и выбрали место посвободнее. Кое-как пристроившись там, Юля и дядя Пихто захотели стать глиняными горшками.

20. Горшки

На этот раз превращение было медленным и мучительным. Никакого «раз — и готово». Сперва у Юли онемели руки и ноги. Она почувствовала, как они вдавливаются в бока и даже друг в друга. Тело налилось тяжестью и потемнело, став темно-коричневым. Голова ее запрокинулась, рот широко раскрылся и стал расти, переходя в горловину горшка, а низ тела с хрустом превратился в его донышко. Наконец, готовое изделие закачалось на полке. Юля не понимала и не видела, что происходило с ее глазами, но теперь она каким-то образом стала видеть сразу во все стороны.

Рядом с собой она увидела еще один свежий и необычный горшок: у него было целых четыре ручки. Это был, видимо, дядя Пихто. Юле захотелось спросить, как у него дела. Но она как-то не придумала, как это сделать — она не знала, чем может разговаривать горшок, и потому промолчала. «Ну хорошо, вот мы и горшки, — подумалось ей, — а вот как мы отсюда выйдем?»

Тем временем на кухне по-прежнему кипела работа. Обед для герцога Пом-и-Дора всегда должен был быть готов точно во-время. За нарушение этого правила Главного Повара ждало жестокое наказание: за каждую минуту опоздания палач должен был выдернуть у него из усов по волоску. И Главный Повар нещадно подгонял своих поварят шлепками и пинками, чтобы сохранить свои пышные усы. Вот и теперь, когда пришла пора готовить жаркое, он отправил двух поварят подзатыльниками за пленниками. Поварята устремились со всех ног в пыльный угол, куда им показал толстый и усатый повар. Добежав, они перетрясли все мешки, заглянули под соседние столы и на нижние полки. Никого не найдя, они в недоумении уставились друг на друга и снова бросились копаться в мешках, поднимая клубы пыли. Они не смели вернуться с пустыми руками. Юля испугалась, что она чихнет от пыли (а она всегда от нее чихала) и выдаст себя. Пыль окутала ее от донышка до горлышка, но ничего не случилось. «Горшки не чихают!» — облегченно подумала Юля и тут же увидела, как к ним движется сердитый Главный Повар.

— Гром и молния! — рявкнул он, входя в клубы пыли. — Где?! Что?! Да я вас самих зажарю!

Перепуганные поварята исчезли под соседними столами, а толстый повар, фыркая и чертыхаясь, сам начал искать на полу и под полками. Тщетно. Вначале он побледнел, потом посинел. Это было уже не просто опоздание обеда. Пропажа деликатесов обойдется ему гораздо дороже усов.

— Искать везде! Всем! — дрожащим голосом крикнул повар, оседая на пол. Все поварята тотчас же прекратили делать свою работу и бросились заглядывать под столы, в котлы и кастрюли, шуровать по полкам. На кухне поднялся невообразимый шум. Он гулко отдавался в Юлиной внутренности, и она даже почувствовала, как раскачивается под ней полка.

— Охохо, грехи наши тяжкие... Головушка моя бедная... — бормотал где-то внизу, выдирая на себе волосы, Главный Повар. И вдруг все стихло и замерло. Кухонная дверь медленно отворилась и на пороге появилось странное существо.

Первое, что увидела Юля, был огромный живот, обтянутый красной атласной рубашкой и опоясанный золотым поясом, на котором висел кинжал. Красные широкие штаны были заправлены в щегольские красные же сапоги на высоких каблуках со шпорами. А из расшитого ворота рубахи торчали сразу две головы, смотрящие в разные стороны. Головы эти были очень похожи: низкие приплюснутые лбы, хищно изогнутые красные носы, маленькие колючие глазки. В целом существо чем-то напоминало странную двухголовую птицу, которую Юля видела недавно на обороте новых монет. Вот только в правой руке у него был длинный-предлинный кнут.

Главный Повар в два прыжка оказался у двери и упал перед вошедшим на колени.

— Ваше Высочества! — завопил он, сорвав с головы и ломая в руках свой колпак. — Помилуй, не вели казнить, вели слово вымолвить!

И тут только Юля догадалась, что это и был сам герцог Пом-и-Дор собственными персонами. «Ох, и долго же я догадывалась! Вот как плохо у глиняных горшков варит!» — испугалась она своей медлительности. И Юля вспотела внутри от страха.

21. Герцог Пом-и-Дор

Герцог щелкнул в воздухе кнутом, и его правая голова сказала:

— Казнить нельзя! Помиловать!

Но тут же отозвалась эхом левая голова:

— Казнить! Нельзя помиловать!

Голоса были резкие, визгливые и очень неприятные.

— Вот тебе и на. Ты что это тут раскомандовался? — удивилась правая голова. — Сегодня я главный! Тебе хорошо говорить, ты вчера за нас обоих поел. А мне что — без обеда теперь оставаться, раз тебе повара казнить захотелось?! — обиженно закончила она.

— Ме-е-е, — попыталась показать ей язык левая голова. — Иди ты знаешь куда?

— Балда, — спокойно ответила правая голова, — я же туда все равно с тобой вместе пойду. Вымолви! — обратилась она уже к стоящему на коленях Главному Повару.

— Вот они были, и нету! — всхлипнул тот и вытер глаза колпаком.

— Ка-а-а-ак так нету?! — хором воскликнули обе головы, и толстый красный живот заколыхался от негодования. — Искать! Найти!

— Искали. Не нашли, Ваше Высочества, — сокрушенно ответил повар и снова всхлипнул.

— Это провокация, — уже спокойнее сказала правая голова. — Я им покажу. Вон, ротозеи!!

Главный Повар и поварята, сбивая друг друга с ног, бросились мимо герцога вон из кухни. Тот закрыл за ними дверь и вышел в центр помещения.

— Ку-ку! — позвала левая голова тоненьким фальшивым голоском. — Ку-ку! Выходите! Я вас нашел!

— Заткнись, болван! — грубо оборвала ее правая голова.

— Ну подожди у меня, завтра поквитаемся, — злобно прошипела левая и обиженно замолчала.

Правая голова герцога принюхалась, шмыгнув носом, прислушалась и снова принюхалась.

— Что, жареным запахло? — съязвила левая голова. Но правая ей ничего не ответила. Она еще несколько раз шумно втянула воздух носом и пробормотала:

— Ну да, ну да, шалунишки. Знаем мы ваши превращалки. Да здесь-то вы ни в кого превратиться б не смогли... Значит, не в КОГО, а во ЧТО!

Юля сразу похолодела. Ах, какой хитрой оказалась эта правая голова!

— Так, так, так, — продолжала та бормотать себе под нос, — раз во ЧТО, то никуда уйти они сами не могли. Здесь, голубчики! Так, так, так. Где ж они? В плиту или стол они не стали бы превращаться — заметно. А что не заметно? Повар!!! — вдруг заорала голова. Юля и дядя Пихто чуть не слетели со своей полки от этого крика.

Дверь тут же распахнулась и на кухню кубарем влетел Главный Повар. Он снова бухнулся на колени перед герцогом.

— Чего изволите? Кушать хотите, Ваше Высочества? — спросил он заискивающе, заглядывая в глаза то правой, то левой голове.

— Хотим... — начала было левая, но правая ее тут же перебила:

— Сколько у тебя тут горшков?

— Ровным счетом триста двадцать шесть, Ваше Высочества, — робко промямлил повар.

— Пересчитай!

— Пощадите, Ваше Высочества! — взвизгнул повар. — Четверо детей сиротками останутся! Не обучен счету-с, папа с мамой в торговле работали...

— Однако детей-то своих пересчитал. Болван, — вынесла диагноз правая голова. Герцог вынул из кармана большой серебряный свисток. Поколебавшись немного, правая голова сказала левой:

— Ну, свистни, так и быть.

Левая голова, не скрывая своей радости, раздула щеки и со всей силы дунула в свисток. Раздался леденящий душу визг, и на кухне поднялся настоящий вихрь. Огонь в плитах тотчас задуло, в воздух взвились и пыль, и паутина из углов, и даже несколько плохо лежащих сковородок... Когда все это осело на пол, Юля увидела самодовольно улыбавшегося обеими головами герцога и лежащего перед ним повара с заткнутыми ушами. А через мгновение в дверном проеме возникли давешние тип в желто-синем и верзила в сине-желтом камзолах.

— Чего изволите? — рявкнули они в один голос.

— Считать умеете? — строго спросила правая голова герцога.

— Ну, — ответил тип.

— Ага, — отозвался верзила.

— Пересчитайте-ка здесь все горшки! — велел герцог.

Тип и верзила огляделись вокруг. Потом один взял стоящий рядом ухват, а другой — кочергу, и они шагнули вместе к ближайшей полке с горшками.

— Ну, раз, — сказал тип в желто-синем и — бабах! — разбил вдребезги ухватом первый горшок.

— Ага, два, — отозвался верзила в сине-желтом и — чпок! — кокнул кочергой второй.

— Ну, три. Бабах!

— Ага, четыре. Чпок!

— Ну, пять. Бабах!..

Они медленно, но верно продвигались — полка за полкой — в тот угол, где затаились Юля и дядя Пихто. «Ай-яй-яй», — подумала Юля и задребезжала от страха.

22. Побег

Счет горшков перевалил уже за сотню, когда над Юлей что-то зашуршало и внутрь ее упал серенький комочек. Он развернулся — и Юля увидела внутри себя ту самую мышку, что изображала воздушный шарик в сценке в домике мышей.

— Тсс! — прошипела мышь, приложив хвост к губам, — ни звука! А то я пропала.

«А я уже пропала, — подумала грустно Юля, — и какой звук-то? Треснуть мне надо, чтоб звук-то издать». Но мышь продолжала:

— Наши ведут подкоп! Грызут как бешенные! Не успевают чинить зубы! Я прокопалась первая, мой ход сейчас разгрызыют до ширины горшка. Пробьются — будем тебя выкатывать!

Чпок-бабах! Чпок-бабах! Эти страшные звуки слышались все ближе и ближе.

Но теперь Юля улавливала и непрестанный скрежет сотен мышиных зубов. Кр-р-рак! — пробежала по стене первая трещина. Кр-р-рак! — появилась и вторая. Грхумс! — и вместо маленького отверстия, проделанного первой мышкой, появилась зияющая дыра! Чпок-бабахи прекратились, и все в кухне замерли, повернувшись на шум осыпавшихся камней. Но прежде чем они успели что-либо понять, внутрь Юли прыгнули еще несколько мышей и с писком «Раз-два, поехали!» пихнули все вместе стенку горшка. Юля потеряла равновесие — и упала в мышиную дыру. И покатилась вниз по выгрызенному ходу!

Стук-стук-стук — ударялась она иногда боками о стенки хода. Юля очень боялась разбиться, но вся дорога была аккуратно выстелена соломой — ведь мыши знали, куда они будут падать вместе с ней! Они свернулись в клубочки и с хохотом перекатывались внутри катящегося горшка. Несколько раз ход переставал спускаться и даже вел немного вверх. Тогда Юля останавливалась, мыши выскакивали из нее и дружно катили горшок до следующего спуска. Там они снова вскакивали внутрь — и мчались дальше!

Наконец, грязная от донышка до горлышка Юля вылетела из подземного хода наружу и быстро остановилась в густой траве на берегу журчащего ручья. Мыши выскочили из горшка и побежали умываться. Юля осталась одна. Над ней кружилось чистое небо, вокруг плясали деревья. Поодаль ходила кругами городская стена и холм с замком на вершине. «Это мой горшок... то есть, голова кружится», — поняла Юля. Она хотела было закрыть глаза, но не знала как это сделать. Все ее мысли куда-то пропали и теперь она просто лежала и грелась на солнышке...

Поплескавшись в ручье, мыши устроили на его берегу шумную возню. Наигравшись в чехарду, они запели «Тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота!» и поднялись обратно к Юле.

— А теперь что? — спросила самая маленькая мышка, постучав по Юлиному боку лапкой и послушав глухой отзвук глиняного горшка. — Что с этим делать, Ми?

— Как это что, Си?! — взвилась мышь по имени Ми, изображавшая когда-то воздушный шарик. — Будить будем! Разочаровывать будем... Ну чары снимать будем! Ведь только она и может спасти всех нас от Компоста! Принесите сюда дюжину одуванчиков, да попушистей!

Через несколько минут все двенадцать цветов были отысканы, подгрызены и осторожно принесены. Мыши сложили их пушистыми головками у горловины горшка. Потом, по команде Ми, они скрутили все свои хвостики в один жгутик и что есть силы подули на одуванчики. Поднялась настоящая белая метель! Облако белых парашютиков закрыло Юлю и мышей, ворвалось внутрь горшка и защекотало изнутри. «Ой-ой-ой, не выдержу! Ой, чихну! Лопну!» — запаниковала Юля, сдерживаясь изо всех сил. Но щекотание стало совсем нестерпимым. Это было куда хуже пыли на кухне в замке. Она не выдержала и чихнула:

— Аааа-пчхи-и-и-и! — и прямо на глазах тоже чихавших мышей горшок вытянулся обратно, в прежнюю Юлю.

— Ух ты, круто, — выдохнула самая маленькая мышка, Си. — И не лопнула!

23. На воле

Все вокруг ярко вспыхнуло, потом померкло. Все внутри зашевелилось, заерзало, земля дернулась — и Юля на мгновение потеряла сознание. Первое что она

увидела очнувшись, были ее руки и ноги. Она снова стала сама собой! Юля выплюнула изо рта пух одуванчиков, отряхнулась и спросила у ликовавших рядом мышей:

— А как вы узнали, что мы туда попали?

— А куда ж вы еще могли попасть? — удивилась Ми. — Мы с самого начала туда ход и рыли.

— Ой, дядя Пихто на кухне остался! — спохватилась Юля. — Надо было его тоже выкатить!

— Ага, выкатишь его, с четыремя-то ручками, — пробурчала Си. — Хорошо, хоть тебя успели вызволить.

— Ну да, а его там сейчас чпокнут... или бабахнут! — и Юля расплакалась. — Как я теперь без него-о-о...

— Может, и не бабахнут, — попробовала успокоить ее Ми. — Все равно слезами горю не поможешь. Чтобы спасти дядю Пихто, надо победить Компоста. А ведь он от каждой нашей слезы сильнее становится. Но мы ему — не помощники! — и все мыши закатились веселым смехом.

Юля тоже невольно улыбнулась сквозь слезы. Конечно же, больше всего ей хотелось теперь домой. Но ведь надо было выручать дядю Пихто, да и спасших ее мышей бросить она не могла. Да и как бы она попала сейчас домой? И Юля спросила:

— А как же нам одолеть этого вашего Компоста? И что он тут такого натворил?

Все мыши разом загалдели что-то в ответ, но понять в этом гвалте она ничего не смогла.

— Ой, не пойму я так ничего, — взмолилась Юля, — пусть вот Ми все по порядку расскажет.

Мышь-воздушный шарик уселась на задние лапки, победно огляделась вокруг и начала свой рассказ:

— Компост пришел к нам с задворок Огородного края. Он пас там тихих кабачков и охотился на диких огурцов. Но однажды была плохая погода, и на Компоста упала зломудрая Тыква, которая летела по своим делам и совсем не туда. Она вдребезги разбилась об его голову и погибла. Но все ее знания колдовства не пропали, а перешли в более прочную голову Компоста. И он сразу стал великим колдуном!

«Вот бы мне тоже кто на голову так упал, отличник-старшеклассник или даже там учитель какой-нибудь, чтобы я все-все знала», — представила вдруг себе Юля и улыбнулась.

— А как стал он великим колдуном, так и начал думать те же колдунские мысли, что думала зломудрая Тыква, — продолжала Ми. — Захотел он весь наш мир к рукам прибрать для начала и свернуть его в большую Черную Тыкву. Тогда овладеет он всеми силами обитателей нашего мира, его рек и гор, и охо-хо — станет самым-самым сильномогучим колдуном Вселенной!

При этих словах Ми даже закатила свои бусинки-глазки и всплеснула передними лапками.

— А... зачем? — тихо спросила ее Юля.

— Да я его тоже об этом раз спросила, — ответила Ми,— так он просто пожал плечами и сказал: «Так надо». И запустил в меня своей туфлей!

— А мы говорим: «Так не надо!» — вмешалась тут Си и ударила кулачком по земле.

— Да, так вот, я же не дорассказала, — спохватилась снова Ми. — Вот ведь что он еще сделал. Сходил недавно Компост в заповедный край. Он расколдовал Большой Забор и выпустил всех драконов из Драконопарка! Чтобы они летали повсюду и наводили на всех страху. Чтоб ему никто помех чинить не мог!

«Интересно, — подумала тут же Юля, — а починил ли уже красный винтовой дракон свой пропеллер?». А вслух она спросила:

— А я-то что тут могу сделать?

— Ах, да самое главное! Перерезать нить...

— Ой, смотрите, сейчас солнце сядет! — запищала вдруг самая маленькая мышка, показывая лапкой на небо. Юля посмотрела в недоумении на еще высоко стоящее солнце, на мышей, снова на небо — и тут солнце действительно быстро побежало направо, потом вниз. Через несколько секунд оно уже закатилось за холм и наступили сумерки.

— Ишь, что творит, — сказала в наступившей тишине Ми. — Небось, спать захотелось Компосту, вот он солнце и убрал.

— А может, ему в темноте охотиться на нас удобнее? — задумчиво произнесла Си. Она вдруг подскочила в вырытому ими ходу и сунула внутрь мордочку. Прислушавшись, она поднялась на задние лапки и махнула остальным:

— Ребята, уходим! Они идут сюда с собаками — по нашему ходу!

24. Солнечный Зайчик

Земля под ногами задрожала, и из норы стали ясно слышны лай собак и какие-то гулкие удары. Юля видела в одном фильме, как беглецы сбивали со своего следа собак преследователей. И она скомандовала:

— Быстрее взбирайтесь на меня! Мы уйдем от них по ручью!

— Ура! По Юлям! — запищала Си, и все мыши бросились карабкаться по подставленным Юлиным рукам ей на плечи. Там они вцепились кто во что: кто в волосы, кто в воротник курточки. «Ой, не щекотите хвостами!» — ойкнула только Юля, и Си пискнула ей в самое ухо: «Поехали!»

Юля осторожно встала, вошла в ручей и пошла вниз по течению. Идти по каменистому дну было неудобно. Ноги надо было ставить очень осторожно, чтобы не оступиться и не уронить седоков. Ботиночки и брючки сразу же промокли и ногам стало очень холодно.

— Что, вода — мокрая? — сочувственно спросил кто-то у Юлиного уха. Она молча кивнула в ответ и тут же пожалела об этом движении: несколько мышей, державшихся за волосы, взвизгнули и чуть не слетели вниз. Но все обошлось, и Юля прошла в густевших сумерках еще шагов двести по извилистому руслу ручья.

Вдруг тишину вечера прервал лай вырвавшихся из тоннеля собак. Юля замерла. Было отчетливо слышно, как собаки вбежали в воду и заметались, потеряв след. Затем раздалось глухое «У-у-ухм», и тут же два знакомых голоса сказали:

— Ну, выбрались, наконец.

— Ага. А в глотке пересохло.

— Ну. Давай, доставай. Цыц вы, псовые! — прикрикнул он на собак. — Дайте хоть тут отдохнуть. Все равно горшок этот далеко не уйдет. Достал?

— Ага.

— Ну, будем здоровы, — и немного погодя они по очереди крякнули и шумно шмыгнули носами. Собаки тявкнули еще пару раз и тоже замолчали. Все стихло.

— Пошли по-ти-хонь-ку, — прошептала Юле в ухо Ми, и та, стараясь ступать бесшумно, двинулась дальше. Еще шагов через сто холод в ногах стал нестерпимым, ступни онемели, и она выкарабкалась на левый берег. Пройдя между высокими кустами, Юля вышла на небольшую полянку и в удивлении остановилась. Кто-то стоял на середине полянки и смотрел на нее. Она шагнула назад, этот кто-то повторил ее движение. «Тоже испугался», — подумала было Юля. Но уже после следующего своего шага она поняла, что видит просто свое отражение.

— Вот здорово! — закричала вдруг Ми. — Это же домик Солнечного Зайчика! Пойдем туда скорее, постучимся к нему!

Юля пожала плечами, снова чуть не сбросив с себя несколько мышей, и пошла вперед, навстречу своему отражению. И только подойдя совсем близко, она разглядела этот домик. Он был с нее высотой

и имел шага три в ширину. Стены и крыша у домика были зеркальные, и в наступившей полутьме в окружении одинаковых кустов он был почти незаметен. Юля осторожно постучала по стене, и тут же одно из боковых зеркал сдвинулось в сторону. Она увидела, как внутри мелькнул лучик света.

— Кто там? — спросил мелодичный голос.

— Ми! — запищала Ми. — И вся наша октава впридачу!

— Милости прошу пожаловать внутрь, — сказал тот же голос, и Юля вошла через образовавшийся проем в домик. Зеркало за ней тут же задвинулось, и Юля увидела вдруг перед собой целую гирлянду своих уменьшающихся изображений. Открыв от удивления рот, она посмотрела налево, потом направо — и там тоже было по многу Юль. Мыши в это время сбежали, быстро-быстро перебирая маленькими цепкими лапками, с ее плеч на пол и уселись вдоль зеркальной стены.

— Не соблаговолите ли и Вы присесть, сударыня? — вежливо обратился к Юле тот же голос. — А то мои отражения могут испортиться.

Юля послушно села на пол (мебели в домике никакой не было) и только тут увидела обладателя мелодичного голоса. Это был светящийся овал на правой стене домика. Он задрожал и внезапно прыгнул на другую стенку, а потом обратно. Там он вновь замер и сказал:

— Как я элегантно отражаюсь, не правда ли?

Это и был Солнечный Зайчик.

25. Как победить Компоста

— Угу, — неуверенно подтвердила Юля мастерство Солнечного Зайчика в деле отражений от зеркальных стенок.

— О, Вы очень любезны! — обрадовался тот. — А не желаете ли и Вы поотражаться? Милости прошу.

— Да я уже... вот, отражаюсь, — виновато развела Юля руками.

— Ну разумеется, ну разумеется, — сразу же согласился Солнечный Зайчик. — Очень приятно было с Вами познакомиться. Кстати, а как Вас зовут?

— Юля.

— Ах, да. Это все моя никудышная память на имена, знаете ли. Весьма, весьма признателен Вам за визит. Не сочтете за труд — заходите вновь, буду искренне рад Вас увидеть... как-нибудь потом...

— Знаешь что, а ведь за нами погоня, — вмешалась тут Ми.

— Ой, опять погоня! Ах, уходите скорее! Эта ваша погоня может расколотить зеркальные стенки моего чудного домика! — сразу заговорил уже попроще Солнечный Зайчик.

— Да ведь все равно его скоро разобьют! — успокоила его Ми. — Ты днем-то по небу летал? Ничего не заметил?

— Летал. Но не заметил... Постойте, нет! Как-то не так все было. Дальние вершины показались мне выше Хрустальной Горы...

— Во-во-во. Сворачивают уже, — перебила его Си, — скоро совсем нашу лавочку свернут, и не будет твоего Зеркального Домика!

И тут Юля вспомнила, как они летели с дядей Пихто, когда еще были белыми воронами. То-то ей показалось, что они внутри огромного таза! Просто Компост уже начал сворачивать этот мир.

— Не надо, — задрожал на стене Солнечный Зайчик, — не надо так!

— Послушай, — сказала Ми, — мы можем это дело поправить. Почти вся волшебная сила Компоста уходит сейчас в невидимую нить. А из этой нити Пальцы-Самопяльцы ткут на вершине Хрустальной Горы невидимый платок страшной силы. Чем больше становится платок, тем больше сворачивается наш мир. Когда платок будет готов, мы все исчезнем внутри Черной Тыквы.

Солнечный Зайчик с каждым новым словом охал и сползал все ниже и ниже по стене.

— Ты единственный из нас, местных, кто может видеть невидимую нить и платок, — продолжала Ми. — Ты их вчера видел?

— А я знаю? — шевельнулся Солнечный Зайчик. — Раз я их вижу, откуда ж мне знать, что они невидимые?! Но на вершине Хрустальной горы я был. Хорошо отразился! Да, копошится там что-то, и тряпочка какая-то лежит, вроде как ткут ее как-то... Ой, да уж и большая же она у них там была! — и он подпрыгнул до потолка.

— Есть только одно средство победить Компоста и отправить его обратно в Огородный край, — торжественно подняла вверх хвост Ми. — Надо перерезать невидимую нить! Тогда он потеряет всю свою волшебную силу и забудет про Черную Магию!

— Так перережьте ее скорее! — взмолился Солнечный Зайчик.

— Да ведь для нас-то эта нить — невидимая! И ты сам знаешь, что никто из обитателей нашего мира не может взобраться на Хрустальную гору. Это по силам только человеку! — на этих словах голос Ми зазвенел, и она посмотрела на Юлю. Та глубоко вздохнула и уточнила:

— Это ты про меня, что ли?

Все промолчали, но стало ясно, что речь идет действительно о ней.

— Но я... маленькая! Я домой хочу, я спать хочу!

Но Си, самая маленькая из мышей, сразу же перебила ее:

— Можешь не продолжать. Во-первых, большие сюда и не попадают. А во-вторых, домой ты сможешь попасть, только победив Компоста. Тем более, что он уже и вам там Серого Тумана понапустил...

— Так это тоже был он?! — поразилась Юля. — А где резать-то надо?

26. Летучие мыши

Мыши захлопали в ладоши и хором прокричали:

Ура-ура! Мы победим!
Пришел герой — горой за ним!
Еще чуть-чуть — прервется нить!
Не будет зайчик наш тужить!

— Тс-с-с! Кажется, за вами погоня была? — предостерегающе зашипел Солнечный Зайчик. — Там что-то шуршит снаружи!

— Хоть ты и солнечный, а все равно — зайчик. Фи, трусишка! — фыркнула Си. А Юля нетерпеливо переспросила:

— Так где резать-то?

Ми заложила передние лапки за спину и прошлась туда-сюда вдоль стенки домика.

— Вопрос правильный, — рассудительно сказала она, — но преждевременный. Сперва надо достать то, ЧЕМ резать. Эту нить могут перерезать только Ножницы Судеб! Тысячи лет назад эти ножницы были выкованы в пламени дракона, чтобы кромсать человеческие судьбы. Они всегда хранились в пещере Большого Тролля под Неведомым Озером, и он владел и распоряжался ими, как хотел. Но наш могучий предок, отважный мышиный король Хвостотряс Седьмой похитил их оттуда и спрятал где-то на чердаке замка Томатбурга. С тех пор люди больше не боятся Ножниц Судеб в руках злого тролля и портят себе судьбу сами... Никто из нас не знает, где именно спрятаны ножницы, но ты должна их найти!

— Тс-с-с! — опять зашипел Солнечный Зайчик. — Говорите тише. Нас услыша... — и не успел он это сказать, как с зеркального домика съехала в сторону крыша. Вместо нее на фоне черного звездного неба появились две носатых головы, и визгливый голос злорадно сказал:

— А уже услышали! Попались, голубчики, и спасибо за тайну Ножниц Судеб!

— и герцог Пом-и-Дор (а это был, конечно же, он) затрясся от смеха.

— Сам ты попался! — смело крикнула Ми. — Фа, твоя левая, моя правая! — и с этими словами она взвилась в воздух в невероятном прыжке и вцепилась зубами и когтями в правый нос герцога. В то же мгновение еще одна мышь повторила маневр Ми и повисла на левом носу. Смех у герцога перешел в вопль боли, и он исчез из отверстия в крыше.

— Скорее! — услышала Юля снизу голос Си. — Мы должны первыми найти Ножницы Судеб! Быстрее возвращаемся в замок!

— А как же мы туда попадем?! — испуганно спросила Юля. Снаружи доносились треск ломаемых кустов и разъяренные крики обеих голов Пом-и-Дора.

— Да ведь ты же лучшая превращуля в мире — забыла? Давай превратимся в летучих мышей: это самые ночные и самые незаметные летуны! И к тому же мыши. . .

Юля глубоко вздохнула, зажмурилась, загадала свое желание, и — ничего не произошло! Она повторила это еще раз, и еще — и снова неудачно.

— Ай, не получается! — совсем растерялась она.

— Ну так придумай же что-нибудь! — взмолилась Си. — Ты ведь, наверное, много книг про волшебство прочитала!

— Я?! Про волшебство? — изумилась Юля.

— Конечно! Откуда же ты знаешь, как превратиться в белую ворону? И разве мало ты читала сказок? А ведь нигде так много про волшебство не пишут, как в сказках.

— В сказках? — озадаченно уставилась на мышку Юля. — Ах да, в сказках. . . Ну, тогда надо оземь удариться, что ли?

— А это больно? Да ладно, делать нечего! Ударяемся! — махнула лапкой Си. Юля снова зажмурилась, просчитала вслух «Раз, два, три!» — и как грохнулась о пол! На этот раз все получилось и было не очень-то и больно.

— Да как же мы полетим! — запищала она, вдруг опомнившись и пытаясь встать. — Ведь летучая мышь с земли взлететь не может!

— Ну, это не беда, — бодро отпискнула ей в ответ Си, уже тоже ставшая летучей, — ведь мы не одни. Крошки! — крикнула она оставшимся мышкам. — Запускайте нас в воздух!

— Ура! — обрадовались те новому развлечению. — Мы вас сейчас три раза подбросим, два раза поймаем!

27. К замку

Так они и сделали. Каждую из летучих мышей схватили по три обычных мышки. Раз — подбросили они их немного, просто примериваясь, и тут же поймали. Два — теперь повыше, пробуя силу, и тоже подхватили, не дав упасть. Три!!! Вот теперь их швырнули что есть силы и закричали: «Летите, голуби, летите!!». Юля потеряла было равновесие, кувыркнулась через голову, но тут же расправила крылья и почувствовала, как они оперлись о воздух. Ух-ух-ух — и через несколько взмахов обе летучие мыши были уже снаружи.

— Солнечный Зайчик, полетели с нами! — пропищала Си назад на лету. Тот простонал что-то жалобно о своей несчастной судьбе и покидаемом зеркальном домике (всех слов было не разобрать из-за шумевшего герцога, продолжавшего ругаться и топтать кусты вокруг полянки), и — светлый овал внутри домика исчез.

— А вон и замок! — пискнула Юля, увидев невдалеке в призрачном лунном свете спящий город и холм с замком на его вершине. В городе не было видно ни одного огонька, даже у ворот его не горело ни фонаря, ни факела. Светилось лишь одно окно в башне замка. Лес внизу был темный, почти черный, небо с уже сиявшей на нем луной было куда светлее. И

на фоне этого неба холм с замком казался огромным сидящим на земле великаном с одним красным горящим глазом. Видно, за окном в башне горел огонь. Вдруг внизу что-то ярко блеснуло между деревьями и тут же исчезло.

— Ой, что это? — ахнула Юля. Си успокоила ее:

— Да это Солнечный Зайчик за нами прыгает. Лишь бы не заблудился.

— А... солнечная лиса там какая-нибудь или волк его не съедят?

— Хи-хи-хи, — закатилась в ответ смехом Си, — солнечная лиса, хи-хи! — И уже серьезно она добавила: — Нет, проглотить Солнечного Зайчика может только Черная Дыра, но она сейчас далеко-далеко. Не волнуйся!

Но Юля уже совсем и не волновалась. Они пролетали как раз над городскими воротами, и ей тотчас же захотелось спать. Снизу донесся храп сторожа, его зевок — и Юля тоже широко зевнула и чуть не зацепилась открытым ртом за флюгер первого же попавшегося ей на пути дома.

— Ты что?! — пискнула откуда-то сверху Си. — Проснись! Сейчас нам вверх подниматься надо будет, — и она легко ударила Юлю крылом по затылку. Та клюнула от толчка носом, и сонливость сразу же отступила. Пролетев над острой башенкой ратуши, две наши летучие мыши устремились вверх, к вершине холма. Замок стремительно приближался, башня вырастала прямо на глазах в исполинскую черную тушу. И тут — «Бум-м-м, бум-м-м, бум-м-м, ...» — внизу, в городе, ударили башенные часы! Юля даже замерла на мгновение от страха и сразу потеряла всю свою скорость.

Часы пробили полночь и снова все стихло. Юля увидела вдруг, что она оказалась прямо у светящегося башенного окна. Луна в это время успела уже куда-то спрятаться, а Си была уже у самого верха башни, и Юля ощутила себя совсем одинокой у этой черной громады. Она не удержалась и заглянула из любопытства в светящееся окно. Разглядеть на лету ничего толком не удалось. Поэтому Юля вцепилась в деревянный переплет окна и повисла вниз головой, уткнувшись носом в мутное стекло. Присмотревшись, она разглядела за ним большую мрачную комнату, уставленную столами со стеклянными бутылями разного вида и загадочными инструментами. В глубине комнаты в камине пылал огонь, дававший такой красноватый свет. У камина спиной к окну стояла высокая сутулая фигура в черной мантии («Да ведь это сам Компост!» — догадалась сразу Юля) и помешивала длинной ложкой в висящем над огнем горшке. Горшок был почерневший, совсем закопченый и — тут Юлино сердце дрогнуло — у него было четыре ручки!

— Вот и все, вот и все, — улышала она через стекло неясное бормотание, — отпрыгался ты, голубчик. Сейчас доварит великий Компост в тебе болотную кашку, и станешь ты самым настоящим горшком! Хе-хе-хе, — и Компост довольно потер руки и снова помешал в горшке ложкой.

Бубумс! — раздался вдруг рядом удар о стекло, и на переплете повисла закачавшись вниз головой Си.

— Ты что застряла тут? — накинулась она было на Юлю.

— Чш-ш-ш, — зашипела та, но было уже поздно. Компост резко повернулся на звук удара. Глаза его расширились и полыхнули зеленым огнем. Он выбросил вперед правую руку, сверкнула молния — и окно со звоном вылетело наружу. К счастью, мгновением раньше летучие мыши были уже в воздухе и мчались теперь на чердак.

— Проклятье! — крикнул им вдогонку Компост. — Говорите спасибо, что силы во мне сейчас мало, вся в дело идет. Ну да погодите: я вас всех сверну, всех!!

— Спасибо! — крикнула ему в ответ Си, и с этими словами они влетели с Юлей на чердак через разбитое слуховое окно.

28. Ножницы Судеб

Влетев на чердак, Юля и Си оказались в кромешной тьме. Юля запищала от испуга и тут же с удивлением поняла, что она как бы видит, или нет, не видит — но как то все же ощущает, где стоят балки, громоздятся какие-то ящики, висят веревки. «И ничего удивительного! — поняла она уже через секунду. — Ведь у летучих мышей есть звуковой локатор! Надо только орать все время». Пометавшись немного, они повисли на одной из веревок и перестали пищать. Отдышавшись, Юля спросила:

— А как же мы тут искать будем? Ведь совсем темно, ни зги не видно!

— Так нам ножницы надо искать, а не згу какую-то. Вот подожди, мы сейчас Солнечного Зайчика покличем, — успокила ее Си и тихо засвистела: — Фью-фью-фью! Фью-фью-фью!

— Ты что это свистишь? Я тебе что, собака какая-нибудь?! — раздался негодующий голос Солнечного Зайчика, который тут же появился на крышке старинного запыленного сундука прямо под летучими мышами.

— Ну не собака. Так ведь, главное, подействовало — отозвался! — справедливо возразила Си. — Посвети-ка нам лучше, мы тут порыщем.

И они начали рыскать. Солнечный Зайчик усаживался то тут, то там, то елозил по одному и тому же месту, то перепрыгивал на соседнюю стену. Обе летучие мыши заползали в щели, заглядывали в ящики и сундуки, копошлись в паутине, да так, что порой Солнечный Зайчик просто пропадал в клубах поднятой ими пыли. Но — все было тщетно. Никаких ножниц нигде не было.

Запыхавшись, они все трое пристроились отдохнуть на балке под самой крышей.

— Хорошо же их спрятал ваш Хвостотрус, — пробурчала Юля.

— Не Хвостотрус, а Хвостотряс! — поправила ее Си. — Да, предок был мышом что надо! А как он однажды...

Но Юля так никогда и не узнала, что же однажды натворил славный король Хвостотряс Седьмой. Раздался какой-то неясный шум. Си тут же замолчала и напряженно прислушалась. Ии-и-у-э-э-э — заскрипели петли, и внизу появилась полоска света. Она выросла со скрипом, и Юля поняла, что это поднимается крышка люка в центре пола. Ее поднимала длинная черная рука, а за ней появился ее обладатель — Компост с керосиновой лампой в другой руке. Оглядевшись, он увидел наверху замерших от страха летучих мышей и закричал:

— Вот вы где! А ну, кыш! Кыш, проклятые! Чтоб духу вашего... — и он, откинув до конца крышку, начал выбираться из отверстия люка. Юля и Си не стали дожидаться продолжения и бросились стремглав к окну.

Оказавшись снаружи, они сделали пару кругов вокруг башни, после чего примостились над крышей, на теплой дымовой трубе.

— Что дальше делать будем? — спросила Си. Юля сама собиралась спросить то же самое, так что ответа у нее не было. Она просто промолчала.

— А ты что думаешь, Солнечный Зайчик? Стой!! — вдруг вскрикнула Си.

— Зачем стой? Как это — стой? — не понял Солнечный Зайчик.

— Ну, не стой. Вернись, где ты только что был! — попросила его Си.

— А я уже не помню, где я только что был! — гордо заявил Солнечный Зайчик. — Мы, солнечные зайчики, всегда обращены в будущее!

— Но ведь это так важно! Пожалуйста! Ты ведь где-то наверху был, да? Попрыгай там еще, а?

Солнечный Зайчик глубоко вздохнул и прыгнул наверх. Раз, раз, раз — заскакал он по кровле башни, по ее шпилю, по торчащему на его конце флюгеру... Юля и

Си напряженно смотрели, что он там высвечивает своими прыжками.

— Вот они! — воскликнула Юля, первой заметившая большие ножницы, искусно встроенные в хвост флюгерного петуха. Их выдавали только торчащие из растопыренных перьев кольца. — Давай посмотрим, а вдруг это не те?

Летучие мыши перелетели на хвост петуха, и Си тут же уверенно заявила, что это ТЕ ножницы.

— А откуда ты знаешь? Ты что, их уже видела? — не поверила ей Юля.

— Нет, не видела. Но это — ТЕ! Да ты подумай сама: ну разве могут быть здесь, в петушином хвосте, НЕ ТЕ ножницы?

Довод был убедительный, и Юле пришлось согласиться.

— Давай их теперь вынимать. Приржавели небось, — озабоченно сказала она.

— Ножницы Судеб не ржавеют! — назидательно ответила ей Си. — Взяли! Тянем — потя-а-а-анем! Тянем — потя-а-а-анем! — они тянули и тянули, но никак не могли вытянуть ножницы.

— Солнечный Зайчик, — взмолилась Юля, — помоги! Подтолкни ты их немного, будь другом.

Тот вздрогнул от неожиданной просьбы и немного смутившись сказал:

— Увы, тут я вам не помощник. Сила давления света настолько мала, что для того чтобы...

— Ясно, — перебила его Си, — толкать не хочешь. Так как же их вытащить-то?

— А с испугу можно, — подал опять голос Солнечный Зайчик. — Я слышал, в таких случаях испуг хорошо помогает.

Юля тоже слышала, что человек от испуга может перепрыгнуть через двухметровый забор и так далее. Но сейчас, вот в эту именно минуту, пугаться было вроде бы нечего, и она сказала:

— Да где ж его взять сейчас, этот испуг? Ведь когда не надо — его сколько хочешь, а когда надо — не дождешься!

При этих словах луна снова выглянула из-за облаков, осветив все вокруг своим холодным голубоватым светом. В ночной тишине послышалось противное жужжание. Си хмыкнула и толкнула Юлю в бок:

— Вот и дождались мы испуга! Летит, родимый. Глянь-ка на луну.

Та глянула — и обмерла. На фоне светящегося диска был ясно виден знакомый многокрылый силуэт летящего винтового дракона. Он приближался к ним, увеличиваясь с каждым взмахом крыльев в размерах, и все громче становился шум его пропеллера.

29. В ночном небе

— Ой, мамочки, — охнула Юля. — Рвем отсюда!

— С ножницами! — возразила ей Си. Они схватились за кольца Ножниц Судеб и что было сил рванули их из хвоста. Ножницы не поддались!

— Ну какие же вы тупые! — раздался вдруг скрипучий голос. Это заговорил сам Флюгерный Петух! — Ведь это же больно, в конце концов. Неужели нельзя догадаться, или хоть меня спросить.

— А... что такое? — растерянно спросила Юля.

— Да ведь ножницы — заговоренные, и никто их отсюда не вынет, не сняв сперва заговору! Разве ТАКИЕ ножницы будут так просто валяться?

— Не будут, не будут, — поспешила согласиться Си, — да ведь мы заговора не знаем! Ты сам-то знаешь?

— Знаю! — гордо подбоченился петух.

— Ну так скажи!

— Не запрягала — не нукай! — обиделся тот и отвернулся.

— Ух ты какой, бройлер несчастный, — фыркнула Си и тоже замолчала.

— Вот тоже нашли время обижатья! — попыталась исправить положение Юля. — Вон ведь дракон сюда летит, давайте мириться. Ножницы вынимать надо!

Но ни Си, ни Флюгерный Петух ничего на это не сказали. Зато снизу раздался голос Солнечного Зайчика:

— Знаете что, если тут винтик один открутить, так можно, кажется, и заговор не снимать...

— Где?! — обрадованно кинулась к нему Юля. Отвинтить в брюхе петуха винтик, зажимавший ножницы, было делом нескольких секунд. Еще через мгновение летучие мыши с Ножницами Судеб были уже в воздухе и удалялись от замка на север, в сторону Хрустальной Горы.

— Так не по правилам! Надо было заговор снять! — прокричал им вслед Флюгерный Петух, но ему никто не ответил. Надо было спешить и беречь силы и дыхание.

Минут пять летучие мыши летели молча, изо всех сил махая крыльями и сопя от усердия. Ножницы Судеб были довольно большие, и тащить их даже вдвоем было совсем непросто. Луна светила им в спину, хорошо освещая местность внизу. Но стоящие, казалось бы, совсем невдалеке горы почти не приблизились. Сияющая вершина самой высокой среди них Хрустальной Горы была все еще так далека!

— И... сколько нам... еще... лететь? — не выдержала и спросила уже задыхающаяся Юля.

— Недолго... полчаса... — еле ответила ей Си. — Давай... подрастем...

— Опять оземь? — выдохнула Юля. — С такой... высоты?

— Подрасти-то... я думаю... можно и без оземь...

— Тогда... давай, — согласилась Юля, и они по обоюдному согласию плавно выросли раз в пять. Лететь сразу стало намного легче, да и скорость резко возросла. Ножницы несла теперь одна Си, потому что вдвоем это делать было бы уже неудобно — они просто мешали бы друг другу крыльями.

Немного отдышавшись, Юля спросила:

— А где Солнечный Зайчик? Он не потерялся?

И не успела она это произнести, как Солнечный Зайчик сверкнул на стали ножниц:

— Я тут! Ведь я же быстр, как свет...

— Отразись! Ты нас выдашь! — зашипела на него Си, но было уже поздно. Сверкающие ножницы в небе были слишком хорошо заметны. Их тут же увидели. Сзади донесся радостный рев дракона, а снизу — визгливые крики обеих голов Пом-и-Дора: «Вон они! Вон они! Это я их первый увидел... Нет, я! Нет, я! А вот как дам тебе сейчас... Да ладно, побежали за ними, на Хрустальную Гору!»

— Вот это и называется «засветились», — спокойно сказала Си. — Теперь, пожалуй, не успеем.

30. Юля остается одна

Юля и Си неслись по ночному небу, стараясь опередить гнавшихся за ними дракона и герцога Пом-и-Дора. Перепонки на их кожистых крыльях звенели от напряжения. Но расстояние между ними и их преследователями неумолимо сокращалось. Каждый раз, когда Юля оглядывалась назад, она видела, что дракон все ближе и ближе. Топот Пом-и-Дора тоже постепенно приближался.

— Ууф-ф-ф-ф! — обдало беглецов жаром сзади и слева, и язык пламени полыхнул с левой стороны от них, чуть не задев Юлю. Скверный запах обдал их и заставил поморщиться.

— Дракон вышел на дальность прицельного огнеметания, — торжественно объявил Солнечный Зайчик, прыгавший между Юлей и Си.

— Ууф-ф-ф-ф! — теперь огонь полыхнул справа, и снова пахнуло смрадным драконьим дыханием.

— В вилку взял, — сообщил Солнечный Зайчик. — В следующий раз, пожалуй, попадет.

— Фу, как у него изо рта пахнет, — потрясла головой от отвращения Юля. И

вдруг ее осенило: — Солнечный Зайчик, дай ты ему, вонючке, по глазам скорее!

— Понял, — ответил тот, съежился и тотчас же прыгнул дракону на глаза!

— Ыы-ы-ы! — заревел ослепший от внезапного яркого света дракон. Он закружился на месте, выпустил несколько струй огня в разные стороны, снова яростно заревел — и рухнул вниз! Да так удачно, что и топот Пом-и-Дора тут же прекратился: дракон упал прямо на него. А потом произошло и вовсе неожиданное! Дракон недоуменно ойкнул, задрожал, заохал и вдруг окаменел прямо на глазах у завороженно наблюдавших за ним Юли и Си.

«Так вот оно, оказывается, что было под кляксой, — пронеслось у Юли в голове. — В книге было сказано, что надо раздавить о красного винтового дракона спелый помидор!»

— Вот и славненько! — заявила довольным голосом Си. — Теперь-то нам никто не помешает...

Но только она это сказала, как все вокруг дрогнуло, откуда-то донесся протяжный гул, потом скрип — и вся земля внизу прогнулась! Края ее вздыбились, почти что нависли сверху, придвинув к ним горы. Это было уже как на дне гигантской чашки, а не таза!

— Это мы что, тыквеем так? — робко спросил Солнечный Зайчик, успевший вернуться к ним от дракона.

— Ничего, ничего, — попыталась приободрить их Си, — зато Хрустальная Гора ближе стала. Летим к ней скорее!

И они снова устремились к их совсем уже близкой цели. С каждой минутой полета Юлино сердце билось все чаще. Ведь она и только она должна будет скоро остановить такого сильного и страшного Компоста!

Бдзынь! — прервал ее мысли звонкий звук удара. Завертев головой, Юля увидела, что Си отстала от нее и кружится позади на одном месте.

— Ты что остановилась, Си? Нам надо спешить! — крикнула она, возвращаясь к своей спутнице.

— Мне дальше дороги нет, — ответила та, — Хрустальная Гора недоступна для тех, кто здесь живет. Смотри! — и Си, отлетев немного назад, снова разогналась и — бдзынь! — вновь ударилась с тем же звуком о невидимую стену и отскочила назад.

— Ух, здорово, — пробормотала она, помотав головой, — видела?

Юля молча кивнула.

— Так что дальше ты будешь одна, — добавила Си. — Давай! Лети! Дай им жару! Ой, погоди, ножницы забыли. Лови! — и Си швырнула в Юлю Ножницами Судеб. Та еле увернулась и едва успела схватить пролетавшие мимо ножницы за кольца. — Теперь лети и не мешкай!! — последние слова Си прокричала уже вдогонку мчавшейся прочь Юле.

31. На вершине Хрустальной Горы

Юля осталась одна в черном ночном небе. Луна светила сверху, как бы заглядывая в огромный глубокий стакан, и горы на вздымающихся в отдалении вверх стенках этого стакана отбрасывали вниз самые причудливые тени. Юле сразу стало неуютно и просто жутковато после расставания с Си. «Ну что теперь бояться, кого теперь бояться, ведь тут никого нет и быть не может», — уговаривала она себя, подлетая к переливающейся в лунном свете вершине Хрустальной Горы. Но страх не отступил, а заходил мурашками по ее спине.

«Да ладно тебе, ведь это ерунда, легкотня все это!» — рассердилась, наконец, на себя Юля. Она передернула плечами, взмахнула ушами, клацнула пару раз ножницами — и тут же увидела, как что-то шевелится на самой вершине совсем уже близкой Хрустальной Горы.

— Ага, вот оно! — воскликнула Юля, внимательно вглядываясь в это шевелящееся что-то. Еще минута полета — и она ясно увидела несколько больших пальцев, торчащих прямо из горы и быстро перебирающих друг друга. При этом они захватывали и ловко-ловко вплетали в лежащую рядом невзрачную серую тряпочку такую же серую нить. А нить эта возникала прямо из воздуха и лунного света! Тряпочка постепенно росла, тоже шевелилась, и временами по ней пробегали голубоватые искры.

— Так это и есть тот самый невидимый ни для кого платок, — поняла Юля. — Неужели в нем такая страшная сила?

Она подлетела к платку и попробовала перерезать нить с лета. Но не вышло! Ножницы прорезали пустой воздух, и ничего не изменилось. Юля развернулась и попробовала еще раз, и еще — и тоже безупешно. «Ой, да это потруднее, чем попасть иголкой в нитку... ниткой в иголку, — огорчилась Юля. — Надо садиться!» Она зависла над Пальцами-Самопяльцами и с трудом приземлилась на крошечном ровном пяточке на вершине горы. Ах, как круто уходили вниз склоны! Как скользко там было! Юля с трудом подползла к платку и подняла ножницы. Но не успела они их раскрыть, как один из Пальцев-Самопяльцев внезапно перестал выхватывать нить из воздуха и замер. Юля тоже замерла и увидела, как он прямо на глазах почернел и — превратился в знакомую черную фигуру Компоста! Тонкие губы злого волшебника растянулись в подобие улыбки, и он сказал сладким голосом:

— Постой, девочка, птичка, э-э-э, мышка летучая! Не надо портить ниточку, это хороший платочек! — и в это самое время платок заколыхался, заизвивался и весь вспыхнул голубыми огоньками.

«Ох, скорее, скорее надо...» — пронеслось у Юли в голове, и она снова нацелилась Ножницами Судеб на текущую магическую нить. Компост встревоженно вскинул руки и закричал:

— Остановись! Ты неправильно держишь ножницы! Так можно порезаться, — и он потянулся к ножницам, приговаривая:

— Отдай дяде, дядя покажет!

Остальные пальцы заходили в это время все быстрее и быстрее, свечение платка усилилось. Юля взмахнула ножницами — щелк! — и снова неудача!

«Неужели не успею?» — запаниковала она. Юля очень устала и от гонки по ночному небу, и от взмахов такими тяжелыми для нее ножницами. Пот тек у нее по лбу и заливал глаза, мешая разглядеть хорошенько, где же надо нанести решающий удар. Вдруг Компост исчез, и вместо него возник папа! Он строго посмотрел на Юлю, погрозил ей и неожиданно маминым голосом сказал:

— Не балуйся! Положи ножницы на место!

«Вот наваждение!» — ахнула про себя Юля и хватила не глядя ножницами наугад куда-то в сторону шевелящегося платка. Чмок! — раздался мягкий звук, и она почувствовала, как перерезает что-то мягкое и шевелящееся. Лезвия ножниц сразу засветились красным светом и задымились. Держать их за кольца стало больно, но Юля стиснула зубы и давила изо всех сил. Наконец, нить была отсечена — и сразу вздрогнула Хрустальная Гора под ногами! Пальцы-Самопяльцы рассыпались на мелкие кусочки и исчезли вместе с Компостом после первого же толчка. Но тряхнуло еще, и еще — и с каждым подземным ударом огромные стены вокруг опускались все ниже и ниже, пока гигантская чаша не раскрылась до конца. Вокруг снова открылся простор чистого свободного неба и воздуха! Юля даже непроизвольно облегченно вздохнула.

Вдруг стало стремительно светлеть: луна на небе вспыхнула и засияла, превратившись в солнце! Небо стало синим-синим, горы вокруг засверкали снежными шапками. Юля зажмурила глаза от яркого света. Когда она их раскрыла через несколько секунд, волшебный платок лежал уже бессильно и неподвижно у ее ног. Он быстро потемнел и обуглился на ярком солнце. Еще мгновение — и от него осталась только горстка пепла. Потянуло легким ветерком, и пепла тоже не стало.

А Юля — Юля огляделась вокруг, оглядела себя и улыбнулась. Она стояла одна на вершине самой высокой горы, выше легких облаков, красиво пушившихся над долиной внизу. И она снова была собой — Юлей, но на ней было какое-то новое, незнакомое ей длинное красивое платье со шлейфом!

Вдруг на Ножницах Судеб, которые по-прежнему оставались у нее в руках, сверкнул Солнечный Зайчик.

— Как же великолепен я был, — вздохнул он и добавил: — Ну а как ты отсюда выбираться будешь?

32. Спуск

Юля вздрогнула от этих слов, и красота открывшегося перед ней вида сразу для нее потускнела. И правда, как ей отсюда спускаться? Склоны Хрустальной Горы такие крутые и скользкие! Она не удержится на спуске, поскользнется — и разобьется об острые камни внизу! Видно, придется превращаться обратно в летучую мышь или птицу какую-то... Да только одной-то это делать ей стало боязно. А вдруг опять в историю какую-нибудь попадет?! И потом, с каждым разом превращения давались ей все труднее и труднее. Последний раз пришлось даже оземь ударяться. Получится ли еще раз? Ведь не случайно она, сама того не желая, стала вновь сама собой.

Юля пригорюнилась, повесила голову, и глаза ее повлажнели. Она осталась совсем одна в этих огромных горах, и никто не сможет прийти ей на помощь. Ведь только Солнечный Зайчик мог проникнуть на вершину Хрустальной Горы, а какая от него помощь? Ее грустные мысли прервало удивленное восклицание Солнечного Зайчика:

— Ух-ты, вот это да!

— Что там? — сквозь слезы поинтересовалась Юля.

— Облако против ветра летит, — сообщил ей тот, — вон там, внизу!

Покрутив головой, Юля заметила одинокое облако, довольно быстро летевшее в сторону Хрустальной Горы. Оно и вправду шло против ветра: все остальные облака на его высоте двигались вместе и совсем в другую сторону. За странным облаком Юле почудилась какая-то черная точка. Она протерла глаза и присмотрелась. Облако подошло поближе, и Юля разглядела эту точку. Это была большущая летучая мышь! Она быстро-быстро взмахивала крыльями и пихала в полете облако перед собой!

— Си-и-и-и! — закричала Юля срывающимся голосом. — Я ту-у-у-ут!

Си дотолкала облако и оно встало, уткнувшись в основание хрустального наконечника горы, на вершине которого стояла Юля. Потом летучая мышь вскрабкалась на край облака и... села на него!

— Эгей! — крикнула она вверх Юле. — Давай сюда!

— Как? — не поняла та.

— Да просто: садись и скатывайся ко мне сюда, на облако!

— Не могу! — выдавила из себя Юля. — Боюсь!

— Чего ж ты боишься-то?

— Облако!

— Так оно не кусается, что его бояться! — удивилась Си.

— Да нет, я боюсь в облако съезжать. Оно ведь просто водяной пар! Оно меня

не удержит, я провалюсь и разобьюсь! — объяснила Юля.

— Ерунда, это правильное облако! Видишь, я-то ведь сижу!

— Ну, тогда я промахнусь! Меня мимо пронесет! — нашла Юля другую причину.

— Знаешь, если ты так всего боишься, оставайся наверху, — рассердилась Си, — а я назад поехала!

— Уедет, — подтвердил Солнечный Зайчик, перескочив с ножниц на склон горы.

Делать было нечего. Юля глубоко вздохнула, подобрала платье и уселась на краю площадки на вершине. Поколебавшись немного, она все-таки решилась. Оттолкнувшись руками, Юля соскользнула с края и понеслась вниз! Склон и впрямь оказался очень скользкий. В ушах засвистело, ветер выжимал слезы из глаз. С какой скоростью она помчалась! Несколько раз ее довольно сильно подбросило на неровностях. «Только бы попасть! Только бы не промахнуться!» — твердила себе Юля, стараясь удержать направление движения на облако и не потерять ножницы. И ей это удалось!

Юля с размаха влетела в облако, как будто это была очень мягкая большая подушка. Пу-у-у-у — погрузилась она в эту подушку глубоко-глубоко, гася свою скорость. Облако промялось под ней очень сильно, и когда она наконец остановилась, левая ее нога даже проскочила насквозь. Юля почувствовала, как проскочившая нога заболталась внизу в пустоте. Она быстро подобрала ее, и облако плавно выправилось, подняв Юлю обратно на свой верх.

— Привет! — окликнула ее там Си. — Вот видишь, и нечего было бояться.

— Вижу, — отозвалась Юля. Она посмотрела вниз, на начинающиеся в каких-то десяти метрах ниже по склону острые камни, и тихо добавила:

— Было чего...

33. Назад в город

— Ладно, поехали в город, — сказала Си. Она спрыгнула с облака и оттащила его от горы. Облетев облако, она уперлась в него с другой стороны и стала толкать в сторону долины. Облако с восседавшей на нем Юлей поплыло в воздухе от Хрустальной Горы, и вскоре та уже возвышалась где-то далеко-далеко позади.

Насколько же веселее было это воздушное путешествие днем давешней ночной гонки! Все вокруг преобразилось, было наполнено светом и покоем. Внизу проплывали назад сперва небольшие горы, потом холмы. Вот облако было уже над долиной и приблизилось к городу, празднично красневшему внизу черепицей своих крыш. Даже замок на холме не выглядел больше мрачным.

— Ага, — подала сзади голос Си. — Теперь бы нам надо вниз... Об этом я как-то и не подумала.

— Знаешь что, — начала было сердито Юля, но ее перебил возникший откуда ни возьмись Солнечный Зайчик:

— Кажется, дождь собирается! — сообщил он и снова исчез.

Юля посмотрела вверх, по сторонам — но туч нигде не было. «О чем это он?» — подумала было она, но тут же почувствовала, что сидит на мокром. Она посмотрела вниз — о, ужас! Облако под ней все съежилось, посерело и действительно начало выпадать дождем! Не успела Юля как следует испугаться, как она уже падала вместе с капельками дождя вниз.

Но капельки были очень маленькие и спускались вниз так медленно! Юля падала вместе с ними в своем колоколом раздувшемся длинном платье и думала уже только о том, как не попасть на крышу какого-нибудь высокого дома. Она быстро научилась управлять своим падением, подбирая платье то с одной, то с другой стороны. Поэтому ей без большого труда удалось миновать острый шпиль ратуши и приземлиться на площади перед ней.

Каменная мостовая весело блестела после дождя в лучах снова засиявшего на месте вылившейся тучки солнца. Юля стряхнула с себя капельки воды и огляделась вокруг. Площадь была пуста. Никого не было видно и в окнах выходящих на нее зданий. Юля пожала плечами, задумалась на мгновение — и решительно пошла к гроту в основании холма, размахивая на ходу Ножницами Судеб. Подойдя к двери, через которую их с дядей Пихто втащили совсем недавно стражники, она занесла было для удара руку. Но дверь внезапно сама распахнулась, и на ее пороге возникли из темноты сам дядя Пихто и с ним — целая ватага мышей во главе с Ми. Дядя Пихто был весь чумазый, с головы до пят. Но на его покрытом копотью лице сияли веселые голубые глаза.

— Ура! — закричала Юля и бросилась к своим друзьям. — Как я рада, дядя Пихто! Я думала, ты совсем растрескаешься...

— Ничего, — успокоил ее дядя Пихто, — вот подкоптился только немного и икаю от той дряни, что во мне кипятили.

— А где Компост? — обеспокоенно спросила Юля.

— Не волнуйся, он опять стал безобидным, — поспешила успокоить ее Ми, — он спит сейчас наверху, в башне. А когда проснется, ничего не будет помнить и пойдет скорее искать свои кабачки...

— Посмотрите, посмотрите, — раздался сверху голос Си. — Юля сейчас точь-в-точь как у нас на картине! Только короны не хватает.

— Пока не хватает, — со значением сказала Ми. — И чему тут удивляться? Ведь ту картину как раз сейчас пишет для нас городской художник. Во-о-он его окно на чердаке, видите? Он нас тоже видит: смотрит в подзорную трубу и рисует!

— А... почему в трубу он смотрит? — удивилась теперь Юля. — Так просто нельзя нарисовать?

— Деликатный он больно, — пожала плечами Ми, — стесняется очень.

Разговаривая, Юля двигалась с дядей Пихто и мышами от холма, и теперь они поравнялись со старым зданием ратуши. Хлоп! — хлопнула вдруг парадная дверь, и из ратуши выскочил невысокий бойкий и нарядно одетый человек в усах и в шляпе с перьями. Подбежав к Юле, он почтительно склонился перед ней в поклоне и, сняв шляпу, обмахнул ей свои сапоги.

— О, великодушная спасительница! — воскликнул он, распрямляясь. — Позволь приветствовать тебя в спасенном тобой городе Томатбурге!

— Спасибо, — растерянно ответила Юля, — а вы... кто?

— Я главный герольд Томатбурга! — и он вновь поклонился. — Но сейчас я — временный бургомистр нашего славного города.

— А где же настоящий бургомистр? И советники? — удивилась Юля. Она уже знала, что герольд всегда только выкликал разные новые указы и вообще был в лучшем случае церемонемейстером, то есть распорядителем, а не управителем города.

— Бежали с позором. Испугались. Были причастны. Только герольд чист, — кратко объяснил герольд и кротко улыбнулся. — А сейчас мы будем вас чествовать! — объявил он и хлопнул три раза в ладоши. Раздался глухой топот, и на площадь выбежали человек десять стражников. Они выстроились, тяжело дыша, вдоль ратуши, а у дверей ее замерли тип в желто-синем и верзила в сине-желтом камзолах. Юля испуганно попятилась, но герольд поспешил ее успокоить:

— О, не волнуйтесь! Это верные слуги города, стражи порядка и покоя!

— Но... ведь они злые?! Они помогали Компосту и Пом-и-Дору!

— Да что вы! Они ведь что? Они — люди подневольные. Они только выполняли приказы.

— Так точно, мы только выполняли приказы! — гаркнули в один голос стражники и что есть силы выпучили глаза.

«Ой, слышала я уже где-то эту песенку», — поморщилась Юля. Но где, она так и не вспомнила и махнула на это рукой.

— Давай, — махнул герольд рукой крайнему стражнику. Тот вытащил из-за спины сигнальный рог и подул в него. Рог хрипло загудел, и город отозвался ему стуком дверей, хлопаньем оконных створок, и через пару минут вся площадь была уже заполнена сбежавшимся народом. Герольд предусмотрительно успел пригласить Юлю и ее спутников подняться на высокую лестницу, ведущую к парадному входу в ратушу. Теперь все они стояли на возвышении над собравшейся шумевшей толпой.

Герольд оглядел площадь, вытащил из-за пазухи свиток пергамента и прокашлялся. Люди на площади притихли.

— Славные жители Томатбурга, — начал читать герольд, развернув свой свиток, — мы долго страдали под деспотичной властью коварного герцога Поми-Дора! И его зломудрого покровителя волшебника Компоста. Но час изволения пробил! Великая и непобедимая Юля одолела в жестокой схватке наших гонителей и подавителей!

Люди на площади восторженно закричали и стали бросать в воздух шапки.

34. Королева

Герольд поднял руку, и народ на площади постепенно успокоился. Снова протрубил рог, и стало совсем тихо.

— По трепетному и единодушному желанию всех жителей, — продолжил герольд чтение свитка, — город Томатбург, а также прилегающие к нему семь деревень объявляют себя отныне и во веки веков королевством Юлианией, а Великая Юля по естественному праву победительницы, спасительницы и освободительницы объявляется его бессменной королевой Юлей Первой! Город торжественно обязуется почитать и повелеваться королеве, кормить и одевать ее, а деревни — слушаться ее и давать ей деньги на карманные расходы!

— Ух, здорово, — шепнула Юле на ухо снова оказавшаяся на ее плече Ми. — Оставайся!

— Соглашайтесь, Ваше Величество! Оставайтесь с нами! — закричали в толпе на площади.

— Спасибо, — растроганно сказала Юля, — но... я хочу домой. Я очень соскучилась, мне надо домой.

Народ на площади упал на колени, послышались рыдания, крики «Останьтесь с нами, Ваше Величество! Не бросайте сиротами!» усилились. Глаза у Юли повлажнели, она почувствовала комок в горле.

— Я... не могу, — произнесла она, — мне в школу надо. И потом, я должна вернуть в класс плюшевого кролика! Я взяла его позавчера и обещала принести назад.

— О-о-о, это все меняет, Ваше Величество, — поспешил успокоить ее герольд. — Королевское слово твердое, это закон. Народ! — закричал он уже толпе на площади. — Ничего не поделаешь, Ее Величеству надо возвращаться! Придется нам жить одним. Будет у нас эта, как ее, демократия. Понятно?

Народ на площади настороженно замолчал. Потом чей-то недовольный голос спросил:

— Это как же так? А кто о нас думать и заботиться будет, а?

— Вот вы сами и будете, граждане, — ответил герольд.

— Ух-ты, ах-ты, разбежался! Это что же, без революции — тихо-мирно и сразу от монархии к демократии? Так не пойдет! — раздался еще чей-то громкий голос на площади.

— Не хотите демократии? Ясненько. Стра-жа! Разо-гнать! — скомандовал герольд, и пока стража очищала площадь от людей, он обернулся к Юле, улыбнулся и сказал: — Вы уж не обращайте внимания, Ваше Величество. Это у нас так, по-семейному. Разберемся.

Площадь опустела, герольд откланялся и ушел к себе в ратушу руководить народом. Юля осталась наедине с дядей Пихто и мышами.

— Что ж, тебе пора, — повернулся к ней дядя Пихто, — теперь путь домой тебе открыт. Сейчас я позову Великого Мышиного Волшебника, и он отправит тебя...

— Подожди, — перебила его Юля, — а я смогу вернуться сюда назад?

— Не знаю, — пожал плечами дядя Пихто, — но мы всегда будем тебе рады. Твои друзья будут тебя помнить.

— Знаешь что, — шмыгнула носом Юля, — я всегда стараюсь покупать открытки в тех местах, где бываю, и которые я хочу запомнить. Ты можешь подарить мне открытку с видом этого места, или еще какую-нибудь?

— Конечно, — улыбнулся в ответ дядя Пихто, — да мы ее сейчас же и сделаем. Да еще и ты сама на ней будешь! Ми, где наш аппарат? — мыши тут же засуетились и притащили откуда-то большой фотоаппарат на треноге. Дядя Пихто огляделся и показал, куда надо его поставить. После этого он почесал затылок и воскликнул:

— Вот здорово! Придумал! Становись сюда, — и он оттащил Юлю поближе к ратуше. — Приготовилась? Лови! — и он прыгнул к ней на руки. Но в полете он превратился в большой букет розовых роз! Юля чуть не уронила его от неожиданности.

— Замри! — крикнула ей Ми от аппарата. — Готово! — Букет тотчас же потяжелел и выпал у Юли из рук. Рядом снова возник дядя Пихто.

— Вот тебе и будет открытка на память! — сказал он ей, запыхавшись. — Как только сделаем, сразу тебе перешлем. Тук-тук-тук, — постучал он тут же по каменной мостовой. Бабах! — вылетел из нее здоровенный камень, и из дыры выбрался Великий Мышиный Волшебник.

— Что, уже? — спросил он, щурясь от дневного света. — Все мое пгогицание сбылось?

— Сбылось, не сбылось, а госпоже Юле пора домой, — объяснила ему ситуацию Си.

— Па-а-а-агодите, если сбылось, то можно, а вот если не сбылось... — начал было Великий Мышиный Волшебник, но Ми тут же его перебила:

— Ну что ты за вредина такая, сам ведь прекрасно знаешь, что сбылось!

— Поздно мне, знаете ли, хагактег-то менять! Есть у меня отдельные недостатки, да, у кого их нет, но...

«Бум-м-м-м» — начали бить часы на ратуше. Великий Мышиный Волшебник опомнился, перестал ворчать и взмахнул своей обгрызенной волшебной палочкой.

— Ладно уж, уговогили. Так что, тепегь обгатно, да? — и он покосился на Юлю. — А как это? Какое там заклинание-то? Ну как оно там, э-э-э...

— Вот балбес здоровый, ничего не помнит, — еле слышно прошептала Си.

— О, пгавильно! Вот именно так, вот спасибо! — обрадовался Великий Мышиный Волшебник. Он снова взмахнул волшебной палочкой и взвыл:

— Авва! Авва! Балабес! Отпгавляйся чегез лес!...

— До свидания, Юля! Счастливо тебе! — закричали наперебой мыши и дядя Пихто. Великий Мышиный Волшебник взвыл еще раз — и все поплыло у Юли перед глазами, а потом исчезло.

35. Дома

Юля потянулась, открыла глаза — и сразу узнала их с сестрой комнату. Она потрясла головой, но ничего не изменилось и не пропало. «Так это что, все мне

только снилось? Но ведь это было так по-настоящему!» — и Юля потрогала руками себя, одеяло, свою кровать, прикоснулась к мерно дышащей во сне сестре. «Здесь тоже вроде бы все настоящее. . . » — подумала она и села на кровати.

В комнате было еще темно, в коридоре — тоже. Наверное, дома все еще спали. Слышался только неясный шум ранних машин, идущих по улице с другой стороны дома. «Ой, да мне же сегодня к первому уроку! — спохватилась Юля. — А надо еще собрать ранец и не забыть плюшевого кролика!» Она повернулась к часам, чтобы узнать, сколько уже времени, но не увидела их светящихся цифр на обычном месте.

— Что такое, — недовольно пробормотала Юля, — куда же часы подевали?

Встав на колени, она присмотрелась и поняла, что никуда часы не подевали. Стоят они себе на месте, как стояли. Но что-то закрывает сам циферблат. Юля поднялась, включила потихонько лампу на столе и увидела на часах какую-то открытку. Она медленно взяла ее в руки и поднесла к свету. На открытке было старинное здание — она узнала бы его из тысяч — и маленькая девочка в длинном платье перед этим зданием. Лицо ее было трудно разглядеть, но в руках девочка держала большой букет розовых роз.

— Ой! — вскрикнула Юля и соскочила с кровати. Она прижала открытку к груди и запрыгала по комнате, пока не наткнулась на свой стул с вертящимся сиденьем.

— А здорово мы им задали! — сказала она, обращаясь к открытке. Потом Юля погладила ее, поставила на свой стол и побежала на цыпочках в ванную комнату умываться.

Ольденбург–Москва–Новосибирск,
1992–1994